

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

Круглый стол «Вопросов философии» (1974)¹

Перепечатка стенограммы выступлений на заседании Круглого стола, проходившего 7—8 мая 1974 года в редакции журнала «Вопросы философии» и посвященного обсуждению социально-философских проблем демографии. 1974 год был объявлен ООН «Годом мирового населения», в августе 1974 г. был проведен Международный конгресс по проблемам демографии в Бухаресте. В целом же 1970-е годы прошлого века стали важным этапом, в ряде случаев – поворотным пунктом как в эволюции основных демографических процессов, так и в развитии мировой демографической мысли. Материалы Круглого стола дают представление об уровне осмысления демографической реальности, основных демографических тенденций и их движущих сил в советской науке того времени. Они позволяют судить о соотношении объективного научного и заданного идеологического компонентов во взглядах участников Круглого стола. Обсуждение было междисциплинарным, в нем приняли участие демографы, философы, социологи, экономисты, этнологи, биологи, юристы.

В Круглом столе приняли участие:

*И.Т. Фролов
Я.Н. Гузеватый
А.Г. Вишневский
А.Я. Кваша
Н.П. Бочков
В.А. Болдырев*

*В.И. Переведенцев
В.И. Козлов
Л.Е. Дарский
И.Л. Андреев
М.М. Бабаев
В.П. Эфроимсон*

*В.А. Геодакян
О.Б. Осколкова
Б.С. Ерасов
В.В. Пациорковский
Г.И. Герасимов*

Ключевые слова: демография, демографические проблемы в СССР, философские проблемы демографии, демография и экология, демография и этнология, демография и генетика, демография и право, исторические типы воспроизводства населения.

И.Т. Фролов (доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии»). Необходимость исследования демографических проблем.

Тема нашего сегодняшнего обсуждения за Круглым столом — социально-философские проблемы демографии — прямо примыкает к теме предыдущего Круглого стола «Наука и глобальные проблемы современности». Более того, наша сегодняшняя тема - это и есть одна из глобальных проблем современности, и мы должны обсудить ее более конкретно.

Я рад от имени редколлегии и редакции журнала «Вопросы философии» приветствовать всех, кто пришел к нам на это заседание. Для тех, кто участвует в наших заседаниях впервые, я должен сказать, что их главная цель заключается в том, чтобы привлечь внимание нашей научной общественности к определенным проблемам с тем, чтобы стимулировать их исследование, на основе которого можно было бы принять какие-то конструктивные, в том числе и практически-организационные, решения.

Чем вызывается наш интерес к демографической проблематике? Можно сказать, что нас заставляют все более настойчиво ставить проблемы демографии в социально-философском аспекте причины двоякого рода.

Прежде всего - это очень большая практическая потребность в том, чтобы эти проблемы широко обсуждались и более интенсивно разрабатывались в нашей стране. Мы знаем, что наше планирование и прогнозирование, в том числе и составление прогноза

¹ «Вопросы философии», 1974. № 9: 84-97; №11: 82-96; 1975, №1: 57-78.

развития нашей страны до 1990 года и дальше, предполагают в тесной связи с развитием производства, с нашим социальным развитием прогнозирование определенного состава населения нашей страны как с качественной, так и с количественной точки зрения. Ясно, что без точных демографических прогнозов в этом отношении никакой план не может быть признан реальным.

Если мы говорим о демографическом обеспечении наших планов и наших прогнозов, то, видимо, оно должно осуществляться не только в виде определенной констатации того, что происходит, но мы должны представлять себе демографический процесс как процесс регулируемый и соответственно более обоснованно употреблять тот термин, который я употребляю: демографическое обоснование наших планов, наших прогнозов.

Это значит, что в ходе регулирования демографических процессов, по-видимому, необходимо таким образом влиять на них, чтобы устранить некоторые диспропорции, некоторые нежелательные, возникшие в последние десятилетия в нашей стране явления для более равномерного развития нашего общества по пути к коммунизму. Я имею в виду неравномерность роста народонаселения по различным республикам нашей страны. Вы знаете, что это чревато многими нежелательными для нас демографическими явлениями, и ученые должны думать о том, как их устранить.

Это лишь немногие, но достаточно веские практические причины, которые побуждают нас обратиться к демографической проблеме.

Кроме того, существуют настоятельная теоретическая необходимость и потребность в обсуждении демографических проблем, в том числе социальных проблем демографии. Я не говорю уже о том, что с позиций исторического материализма и в рамках марксистско-ленинской теории необходимо существенное продвижение вперед, необходимы новые обобщения для того, чтобы мы могли осуществлять прогнозирование процессов демографического порядка. Вы прекрасно знаете, что сейчас во всем мире разгорается очень острая идеологическая дискуссия вокруг этих проблем. С одной стороны, еще живы и интенсивно культивируются всякого рода расистские, мальтузианские предрассудки. С другой — в качестве отрицательной реакции на эти явления существует своеобразный «демографический нигилизм». Считается, что эти проблемы должны решаться стихийно, что вообще, поскольку демографическая проблематика есть нечто производное от общей социально-политической проблематики, то, решая общие социальные проблемы, мы можем решить и проблемы демографические. Я думаю, что нет необходимости критиковать эту точку зрения, она уже сейчас все больше приходит в столкновение с практикой и обнаруживает свою ложность.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, я хотел бы подчеркнуть, что сама по себе эта проблематика по своему характеру является глобальной и комплексной, причем в ряду других глобальных проблем современности она выступает как одна из наиболее важных и актуальных. Данное обстоятельство мы должны иметь в виду с самого начала, так как этим объясняется, почему именно мы, философы, собираем вас, представителей разных наук, чтобы с разных сторон обсудить демографическую проблематику.

В заключение я хотел обратить ваше внимание на ряд вопросов, которые мы считаем первостепенными. Прежде всего, это структурные составляющие демографического процесса, особенности взаимодействия биологического и социального в воспроизводстве населения. Затем культурная и этническая детерминация демографических процессов; зависимость демографических характеристик населения от уровня экономического развития общества; миграции и воспроизводство населения; взаимодействие индивидуального и всеобщего в современном демографическом процессе; социально-психологические механизмы демографического поведения.

Я хотел бы выделить здесь как один из важных вопросов, которые мы должны обсуждать на заседании Круглого стола, вопрос о применении марксистско-ленинской методологии в исследованиях социальных проблем демографии. Мы должны посмотреть, что дает и что может дать методология исторического материализма в исследовании демографических проблем, что могут дать здесь современные социологические исследования.

В связи с этим возникает вопрос об изучении типологии и эволюции исторических форм воспроизводства народонаселения, сопоставлении различных способов регулирования численности населения. Как следствие из этого вытекают проблемы, касающиеся демографической политики. Здесь имеются в виду оптимальная демографическая структура населения нашей страны с точки зрения перспектив социально-экономического развития, цели и ориентиры демографической политики различных регионов мира, пути и способы осуществления направленной демографической политики.

Как видите, мы в редакции исходим из того, что такая демографическая политика нужна. А следовательно, нужно определенное регулирование и управление демографическими процессами при социализме.

Особо хотелось бы выделить также вопрос о научных основах прогнозирования народонаселения: каким будет население планеты к 2000 году, когда закончится «демографический взрыв» в развивающихся странах? Может быть, мы вернемся и к обсуждению вопроса о народонаселении и естественных ресурсах планеты.

Имеется еще ряд важных вопросов: развитие науки и здравоохранения; социального обеспечения и изменения в генетике популяций человека; демографические последствия урбанизации; социально-психологические аспекты демографии; изменения в возрастной структуре населения и возникающие в связи с этим проблемы.

Я еще раз повторяю, что это лишь некоторые из вопросов, которые мы будем обсуждать. Один только перечень этих вопросов, как видите, занимает достаточно много времени, не говоря уже об их обсуждении.

**Я.Н. Гузеватый (доктор экономических наук, Институт востоковедения АН СССР).
Общеметодологические принципы объяснения демографических процессов.**

Из большого числа вынесенных на сегодняшнее обсуждение вопросов я коснусь лишь двух. Во-первых, некоторых общеметодологических принципов в объяснении демографических процессов и, во-вторых, некоторых идеологических и политических аспектов современной международной активности в области проблем мирового населения.

Как известно, в наших общественных науках долгое время наблюдалось стремление ограничить рассмотрение особенностей «производства самого человека, продолжения рода» (Энгельс) рамками только экономических законов, забывая о двойственной природе человека, человеческого общества — о ее взаимосвязанных социальной и биологической сторонах, а также о многочисленных общественных явлениях, опосредствующих эту диалектическую связь. В результате из поля зрения исследователей выпадала качественная суть демографических процессов, что вело к отождествлению демографии со статистикой населения, отрицанию какой-либо специфической, относительно активной роли демографических факторов в общественном развитии, существования каких-либо иных проблем народонаселения, кроме социально-экономических.

Успешное преодоление этих ошибочных взглядов в ходе дальнейшего развития общественных наук и повышения их роли в коммунистическом строительстве выводит демографию на новые рубежи. Правда, нельзя еще сказать, что наши научные круги и практические организации полностью освободились от прошлых предвзятых представлений в вопросах народонаселения. Достаточно напомнить, что мы до сих пор не имеем в стране специального научного института, где бы комплексно исследовались эти важные вопросы в их внутригосударственном и международном аспектах. По сути дела, все еще не проявляет действительного интереса к организации таких исследований Академия наук СССР; ее Научный совет «Социально-экономические проблемы народонаселения» за шесть лет своего существования так и не стал органом, стимулирующим и координирующим развитие демографии.

Вместе с тем следует обратить внимание и на заблуждения иного порядка, когда в пылу полемики с догматическим отрицанием всякой самостоятельности демографических факторов в общественном развитии возникает другая крайность — чрезмерное преувеличение этой самостоятельности, попытки излишне прямолинейного применения биологических закономерностей к анализу общественных явлений.

Определенные сомнения возникают также по поводу теоретической и практической полезности употребления некоторыми нашими учеными термина «демографическая революция» при объяснении происходящих в современном мире демографических сдвигов. Отсюда может возникнуть ложный вывод о самодовлеющей природе демографических процессов, об их способности к качественным, революционным скачкам в результате внутренних количественных изменений, тогда как в действительности речь идет о демографических сдвигах под воздействием социально-экономического развития.

Резкое ускорение темпов роста мирового населения с середины нынешнего века явилось результатом снижения уровня смертности в развивающихся странах прежде всего благодаря появлению после второй мировой войны принципиально новых, эффективных медицинских препаратов и широкому их применению в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Что же касается демографического поведения населения развивающихся стран в отношении рождаемости, то здесь никаких революционных изменений не произошло, оно в основном остается неизменным, поскольку сохраняются экономические, социальные и культурные условия для господства традиций многодетности. Таким образом, беспрецедентный феномен «демографического взрыва» обязан своим

возникновением, с одной стороны, проявлению мировой научно-технической революции в области здравоохранения, и с другой, национально-освободительным революциям, открывшим путь к улучшению экономических и санитарно-гигиенических условий жизни населения бывших колониальных и зависимых стран.

Если же говорить об общих закономерностях развития** населения, то здесь в первую очередь надо подчеркнуть, что хотя размножение человека имеет единое со всей органической природой биологическое начало, однако в отличие от животного и растительного мира в человеческом обществе это биологическое начало опосредствовано социальными явлениями, причем их значение в воспроизводстве человека неуклонно возрастает с общественным прогрессом. Состояние рождаемости и смертности во все большей степени зависит от роста материального благосостояния и культуры, развития здравоохранения и социального обеспечения, политических условий и т. д.

Каждый новый общественный строй и свойственный ему способ производства побеждает старый, создавая более высокий уровень производительности труда. В результате общество в целом становится более богатым, в нем создаются более благоприятные жизненные условия, что, в свою очередь, ведет к уменьшению смертности, увеличению средней продолжительности жизни населения. И поскольку социализм является самой прогрессивной общественной формацией, создающей условия для всестороннего духовного и физического развития трудящихся, зрелое социалистическое общество будет обладать предельно низкой смертностью.

Динамика рождаемости также в конечном итоге зависит от развития производительных сил, роста производительности труда, хотя эта связь намного сложнее, чем в случае со смертностью, поскольку она опосредствована многообразным комплексом психологических, культурных и социальных факторов, включая религиозные воззрения, традиции, психологическую реакцию на экономическую и политическую конъюнктуру и т.д. Поэтому динамика рождаемости подвержена большим колебаниям и, как правило, значительно отстает во времени от экономических процессов. Однако генеральную тенденцию составляет снижение рождаемости при модернизации отсталых аграрных обществ под воздействием промышленной революции, способствующей разложению патриархальных крестьянских семей, росту городского населения за счет сельского, распространению образования, усилению социальной мобильности и повышению материальных и культурных запросов населения.

Решающую роль в снижении рождаемости играет кардинальное изменение социального положения женщин, которые все более активно включаются в общественное производство, культурную и политическую жизнь, что неизбежно отодвигает на задний план биологическую функцию деторождения. Разумеется, снижение рождаемости под воздействием социальных факторов имеет свои пределы, определяемые биологической стороной человеческой природы. В конечном итоге никакие общественные мотивы не могут подавить естественного инстинкта продолжения рода, не в состоянии заменить человеку родительского счастья. Этот биологический по своей сути фактор в динамике рождаемости подкрепляется определенными экономическими и социальными побуждениями: стремлением иметь детей как наследников семейного имущества, духовных

идеалов родителей и т. п. Социологи отмечают также, что в условиях современной научно-технической революции и вызываемых ею ускорениях ритма деловой жизни, нервных перегрузок все заметнее проявляется новая функция семьи как своего рода «психологического убежища», что также поддерживает желание иметь детей.

Поскольку действительное, полное равноправие женщин во всех сферах общественной деятельности наступает только с победой социализма, то в принципе низкая рождаемость является закономерной для социалистического общества. Однако на высшем этапе его развития, когда личные интересы отдельных семей и индивидов начнут гармонично сочетаться с коллективными, впервые возникнет объективная возможность планомерного регулирования рождаемости для установления оптимального режима воспроизводства населения в соответствии с конкретными потребностями общества. Как писал в свое время Ф. Энгельс, «если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей, так же как оно к тому, времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений»².

Уточнение методологических позиций в вопросах народонаселения имеет сейчас особое значение в связи с развернувшейся в мире беспрецедентной демографической активностью в рамках провозглашенного ООН «Года мирового населения». Эта активность создала благоприятную конъюнктуру для современных мальтузианцев, которые вновь пытаются ссылками на «чрезмерную рождаемость» оправдать пороки социальной системы капитализма, демографическими дискуссиями оттеснить на задний план главные проблемы современности — проблемы борьбы за мир и безопасность народов, против политической реакции, за демократию и прогресс. Их шумливые представители уверяют, будто сейчас нет более серьезной угрозы человечеству, качеству жизни и сохранению мировой цивилизации, чем продолжающийся быстрый рост мирового населения, и что только немедленное принятие политики полного прекращения этого роста (обеспечение «нулевого» роста населения) может, в частности, избавить мир от катастрофы мирового голода, истощения естественных ресурсов и заражения окружающей среды.

Как и в прошлом, теоретические построения современных мальтузианцев представляют собой бессодержательную абстракцию, поскольку оставляют, в стороне самое важное: научно-технический прогресс и изменение социальных условий. Наука давно доказала и каждый день дает, новые свидетельства того, что человечество обладает практически беспредельными производительными силами, способными обеспечить жизненными средствами, по сути дела, любое растущее население. И если в современном мире миллионы людей голодают, если приобретает реальные очертания опасность, экологического кризиса, то это объясняется не высокой рождаемостью населения развивающихся стран, не исчерпанностью природных ресурсов, а вполне конкретными общественными причинами, затрудняющими их рациональное использование.

Принципиальная критика ложных мальтузианских утверждений об опережающем росте населения по сравнению с ростом средств существования и, как следствие, о

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 124.

первостепенном значении мероприятий по ограничению рождаемости для решения актуальных проблем современности отнюдь не означает отрицания реальных затруднений, возникших в развивающихся странах из-за ускорившегося роста населения в условиях унаследованной от эпохи колониализма отсталой аграрной экономики со все еще слабой промышленностью, недостатком капиталов и квалифицированных кадров. Умножение людских ресурсов без соответствующего увеличения средств производства и повышения производительности труда осложняет проблемы занятости и продовольственного потребления, увеличивает трудоизбыточность деревни и перенаселенность городов, и т. д. Иначе говоря, не демографические процессы сами по себе, а вполне конкретные, исторически определенные общественные условия породили голод, нищету и безработицу трудящихся масс. Нынешние демографические изменения лишь обостряют эти проблемы.

Их решение возможно только на основе проведения коренных социально-экономических реформ, направленных на преобразование отсталой общественной структуры, тормозящей технический прогресс и затрудняющей улучшение жизненного положения трудящихся. Только в ходе таких коренных общественных преобразований закономерно возникает тенденция к снижению рождаемости, и развитие этой тенденции может быть ускорено целенаправленной демографической политикой.

В перспективе можно ожидать дальнейшего обострения проблем народонаселения, поскольку за оставшиеся до конца века неполных три десятилетия в развивающихся странах появится, как предполагается, дополнительно около 2,5 млрд жителей, то есть столько, сколько насчитывалось на всем земном шаре всего каких-нибудь четверть века тому назад. Соответственно возрастут потребности в продовольствии, водоснабжении, промышленных товарах, сельскохозяйственном и минеральном сырье, энергетических мощностях и пр. Сложность задачи заключается в том, что развивающиеся страны не только должны совершить гигантский рывок в своем экономическом росте, необходимый для удовлетворения новых потребностей, но и обеспечить при этом эффективные меры по защите окружающей среды.

«Минимальный» вариант прогноза ООН, исходящий из наиболее оптимистической оценки снижения рождаемости в оставшееся до конца века время, предусматривает увеличение численности населения развивающихся стран до 4,5 млрд человек вместо 5 млрд, как это предусмотрено более достоверным «средним» вариантом. Конечно, разница в 0,5 млрд будет существенным выигрышем (и с этой точки зрения демографическая политика может принести определенную пользу), но он практически не изменит самого характера проблемы. Даже если допустить совершенно нереальную возможность сокращения рождаемости во всем мире до уровня простого воспроизводства к 1980 году, численность жителей земли будет продолжать расти за счет сложившейся к настоящему времени молодой возрастной структуры населения развивающихся стран вплоть до середины следующего века и лишь затем наступит стабилизация.

Таким образом, задача предотвращения до конца нынешнего века продовольственных и других затруднений в связи с ожидаемым ростом населения становится для развивающихся стран еще одним веским аргументом в пользу выбора социалистического пути развития, который только и способен обеспечить рациональное,

плановое использование природных ресурсов и применение передовой, эффективной технологии в интересах общества и природы. Эта задача также подтверждает первостепенное значение борьбы всех прогрессивных сил мира за всеобщее и полное разоружение, за мир и сотрудничество между народами, за национальную независимость и демократию. Только с ослаблением напряженности и переключением военных расходов на мирные цели возникнут благоприятные условия для всесторонней международной помощи развивающимся странам в их экономическом и культурном росте, а также для осуществления практических мероприятий в национальных, региональных и всемирном масштабах по урегулированию актуальных демографических и экологических проблем.

А.Г. Вишневский (*кандидат экономических наук. Отдел демографии Научно-исследовательского института ЦСУ СССР*). **Некоторые теоретические проблемы демографии.**

Любая наука обречена на топтание на месте, если она уклоняется от широких концептуальных обобщений, касающихся изучаемых ею процессов. Мне кажется, что в области демографии такие обобщения невозможны, если не будут осмыслены общие закономерности размножения, не будет понята, в частности, историческая специфика размножения в человеческом обществе.

Размножение как процесс изменения (или поддержания неизменными) численности и структуры популяции в результате постоянного возникновения новой жизни и гибели отжившего, постоянного взаимодействия «рождений» и «смертей» свойственно, конечно, не только людям. Это закон всего живого. Поэтому, исследуя закономерности размножения людей, необходимо понять, какое место занимает оно во всей эволюции форм размножения от простейших до человека. Размножение людей — высшая форма размножения, качественно отличная от всех его предшествующих форм. Но, как известно, высшее, вырастая из низшего, никогда не перечеркивает его полностью. Стало быть, если мы хотим понять качественные особенности высшей ступени эволюции процесса размножения, мы должны не только разобраться в сути качественного скачка, позволяющего говорить о возникновении одновременно с человеческим обществом и более высоких форм размножения, но и не упустить из поля зрения ту преемственность, которая сохраняется при переходе от размножения в дочеловеческом органическом мире к размножению в человеческом обществе.

Размножение представляет собой одну из основных сторон жизнедеятельности любого биологического вида. Непрерывность размножения предполагает длительное сохранение относительно устойчивого равновесия между видом и средой. В то же время как само размножение вида, так и колебания внешних условий всегда содержат возможность нарушения этого равновесия, в частности возникновения диспропорции между численностью индивидов данного вида и теми элементами среды, с которыми он взаимодействует. Казалось бы, такое нарушение неизбежно уже хотя бы потому, что размножение вида в целом есть суммарный результат жизнедеятельности массы независимых индивидуумов, неспособных учитывать непрерывно меняющийся баланс взаимодействия вида и среды. Однако длительная история всех преуспевающих видов свидетельствует о том, что если нарушение этого баланса и случается, то оно не выходит за пределы, за которыми само существование вида оказывается под угрозой.

Равновесие между видом и средой обеспечивается в рамках естественных экологических систем, к которым принадлежат популяции данного вида. Я не буду касаться здесь конкретных механизмов, благодаря которым достигается такое равновесие, — они хорошо известны биологам, каковы бы ни были эти механизмы, смысл их действия заключается в том, что они приводят жизнедеятельность индивидуума — в той мере, в какой она связана с размножением, — в соответствие с экологическими требованиями, предъявляемыми к популяции. Иначе говоря, они обеспечивают существование обратной связи между размножением популяции и жизнедеятельностью индивидуального организма.

В этом смысле реализация физиологически предопределенной воспроизводительной потенции отдельного индивидуума контролируется гомеостатическими механизмами, которые учитывают процессы, протекающие на популяционном уровне. В результате индивидуальное функционирование оказывается подчиненным — до известного предела, который ставится физиологическими возможностями организма, — коллективному функционированию.

Такие выработанные естественным отбором гомеостатические механизмы, обеспечивающие относительную стабильность популяций, достаточно эффективны в дочеловеческом мире, в условиях, когда сама емкость экологических систем, как правило, длительное время остается стабильной.

С появлением человеческого общества положение коренным образом меняется. В отличие от того, что имеет место в мире растений и животных, в человеческой деятельности с самого начала заложены возможности изменения исходных условий экологического равновесия — на первых порах за счет повышения эффективности использования того, что человек находит в природе готовым, а затем за счет преобразования природы. Человеческая деятельность в относительно очень короткие сроки, хотя и не сразу, нарушает сложившееся в природе равновесие между популяцией и средой. При этом постепенно изменяется само понятие среды: она перестает быть только естественной, становится все в большей мере социальной — идет ли речь о преобразованной трудом природе или о материальных, социальных либо культурных рамках, в которых протекает жизнь людей. Усложняется и понятие равновесия, которое должно теперь обеспечивать нечто гораздо большее, чем обмен веществ в биоценозах и т. п. процессы. Но не вызывает сомнения, что и в обществе, причем на любых этапах его развития, сам процесс размножения и его результаты должны быть сбалансированы со всеми остальными сторонами деятельности человека (также рассматриваемыми с точки зрения процесса и результатов). Поэтому и у людей размножение должно протекать на основе самоорганизации, обеспечивающей поддержание определенной устойчивости этого процесса, того, что можно назвать демографическим гомеостазисом.

Демографический гомеостазис должен поддерживаться в условиях, которые благодаря человеческой, деятельности быстро меняются в отличие от условий в естественных экосистемах, на протяжении очень долгого времени остающихся неизменными. Создается ситуация, в которой приспособительные механизмы, выработанные естественным отбором, становятся неэффективными и перестают выполнять свои функции. Самый косный человеческий коллектив, несравненно динамичнее любого

сообщества животных и не сможет развиваться, если он будет приспосабливаться к черепашиным шагам естественного отбора. Создание новых приспособительных механизмов, в частности механизма, контролирующего размножение, — одна из фундаментальных задач, решаемых человечеством в процессе его становления. Эта задача порождается самим развитием становящегося человеческого общества — развитием, которое в то же время создает условия ее решения.

Существуют различные во многом еще неизвестные нам каналы, по которым в животном мире к отдельной особи поступает информация, предопределяющая ее функционирование в сфере размножения и отражающая ситуацию, складывающуюся на популяционном уровне. Природа этих каналов, как уже говорилось, естественная. Подобные информационные каналы существуют, по-видимому, и у людей. Но в целом обратная связь «коллектив — индивидуум» у людей осуществляется по каналам, имеющим общественную природу.

Основа существования человеческого общества — совместная трудовая деятельность людей — невозможна на базе выработанных естественным отбором способов общения, способов закрепления, хранения и передачи информации. В процессе трудовой деятельности и в связи с ней между человеком и природой, с одной стороны, и у людей между собой — с другой, возникают отношения, гораздо более многообразные, глубокие и гибкие, чем это возможно у животных. Эти отношения и все, что с ними связано, находят свое выражение в специфически человеческом, социальном по своей природе феномене — культуре.

Культура образует то русло, в котором протекает жизнь индивидуума в человеческом обществе, тот субстрат, в котором он существует. В сфере действия культуры функционирует и механизм саморегулирования размножения в человеческом обществе. Этот механизм через посредство культурных норм, содержащих в себе необходимую информацию об условиях размножения людей и взаимодействии человеческих коллективов со средой, диктует каждому индивидууму такое поведение, которое (в среднем и на протяжении достаточно длительных отрезков времени) обеспечивает поддержание объективно необходимого равновесия.

Механизмы культуры имеют общественную, а не естественную природу, их возникновение — результат действия социальных сил. Сущность переворота, происходящего в сфере размножения в период становления человеческого общества, заключается в том, что он привел к замене биологического по своей природе механизма контроля над размножением на популяционном уровне механизмом социальным. Это произошло в силу общей трансформации многих закономерностей развития жизни в связи с переходом на высшую ступень этого развития — к общественной жизни. Возможно, новый механизм длительное время выполнял те же функции, что и старый (поддержание равновесия в рамках естественных экосистем), но создание этого механизма было одной из важных составных частей подготовки перехода человечества к преобразующей внешнюю природу созидательной деятельности.

В результате возникло качественно новое явление — воспроизводство населения. Под воспроизводством населения мы понимаем размножение в его высшей форме,

свойственное только человеку и отличающееся от размножения в дочеловеческом органическом мире тем, что оно протекает не под биологическим, а под социальным по своей природе контролем. Подчеркнем еще раз, что речь идет все время о процессах, происходящих не на индивидуальном, а на популяционном («населенческом») уровне.

Воспроизводство населения проходит в своем историческом развитии несколько ступеней, различающихся типом социального механизма, регулирующего размножение людей. Оно, следовательно, всегда осуществляется не вообще, а в определенных исторических формах. Характер социального контроля размножения, скажем, у первобытных людей и в социалистическом обществе принципиально различен, а потому и воспроизводство населения протекает по-разному. Воспроизводство населения вообще, так же как и производство вообще,— «абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений»³. Представляя собой специфическую сторону, общественного бытия, воспроизводство населения имеет как черты, меняющиеся от эпохи к эпохе, так и черты, общие для всех эпох человеческой истории, а в более широком плане, как мы видели, даже черты, общие с размножением в мире растений и животных.

Изменения, которые происходят в воспроизводстве населения, сводятся к изменениям в социальном механизме, обеспечивающем гомеостатическое саморегулирование процесса размножения людей. Эти изменения можно рассматривать как моменты исторического развития воспроизводства населения, движения от низших его форм к высшим.

Среди демографов, существуют определенные разногласия по поводу понимания, характера этого исторического процесса. Многие из них отрицают либо сам факт исторических изменений в воспроизводстве населения, либо наличие внутренних импульсов демографического развития, его скачкообразный характер, правомерность термина «демографическая революция» и т. д. Мне кажется, что сегодняшний Круглый стол — как раз то место, где подобные вопросы могут быть обсуждены. Разумеется, интерес представляют не терминологические споры, а вопрос об общей концепции демографического развития. Я изложу здесь свое понимание этого вопроса, думаю, что в выступлениях моих коллег найдет отражение и иная точка зрения.

Я рассматриваю историческое развитие воспроизводства населения, как процесс, имеющий диалектический характер. Ему свойственны длительные периоды эволюции, медленного накопления количественных изменений в демографическом механизме и революционные скачки, возникновение нового качества, нового типа демографического механизма. Разумеется, эти скачки происходят не сами по себе, не в отрыве от всего социально-экономического развития, а, наоборот, в теснейшей связи с ним, представляют собой звено в цепи материальных и социальных переворотов, переживаемых обществом в переломные моменты его исторического пути. Различные типы демографического механизма неразрывно связаны с определенными этапами этого пути, с определенным

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 711.

уровнем развития производства и его социальных форм, что позволяет говорить об исторических типах воспроизводства населения.

При всем многообразии конкретных условий, в которых протекало воспроизводство населения в разные исторические эпохи, пестроте регулирующих его социально-культурных норм и довольно широком диапазоне количественных характеристик этого процесса, можно, как мне кажется, выделить три основных исторических типа воспроизводства населения.

Первый из них — исходный тип человеческого размножения, который я предлагаю называть архетипом воспроизводства населения. Он характерен для доклассового общества, живущего в условиях присваивающей экономики. На этой стадии человеческой истории размножение людей находится уже под социальным контролем, но сфера действия последнего сильно ограничена, демографический механизм приводит воспроизводство населения в соответствие с возможностями естественных экологических систем, к которым все еще принадлежат первобытные человеческие популяции.

Второй исторический тип воспроизводства населения — примитивный (этот термин широко распространен в специальной литературе). Он господствует в докапиталистических классовых обществах, хозяйственную основу которых составляет аграрная экономика. Возникновение и развитие сельского хозяйства и основанных на нем экономики и форм общественной жизни резко увеличило возможности роста населения и в то же время сделало более многочисленное население необходимым, что и вызвало к жизни примитивный тип воспроизводства населения и обеспечило его сохранение до тех пор, пока сохранялась доминирующая роль аграрной экономики.

Наконец, современный тип воспроизводства населения возникает в связи с новым громадным скачком в развитии производительных сил, с превращением преимущественно аграрной экономики в преимущественно индустриальную. Этот скачок создает материальную основу для новых условий демографического гомеостаза и требует приведения демографического механизма в соответствие с ними. Впервые становление современного типа воспроизводства населения происходит при капитализме, что соответствует исторической миссии последнего — миссии подготовки более высоких экономических и социальных форм, в конечном счете — бесклассового общества. Но уже сейчас ясно, что переход к современному типу воспроизводства населения в капиталистических условиях совершался или совершается лишь у относительно небольшой части населения земного шара. У большинства же населения мира этот переход начался после того, как прогрессивная роль капитализма была исчерпана, и связан с некапиталистическим развитием.

Этот переход — центральное событие в демографическом развитии человечества в XX веке. Идет ли речь о мировых демографических проблемах современности или о демографических проблемах нашей страны, сегодня они теснейшим образом связаны с переходом к современному типу воспроизводства населения, с формами такого перехода, его темпами и т. п. Я убежден, что все попытки разобраться в этих проблемах, игнорируя место наблюдаемых демографических явлений во всей современной истории демографического развития, обречены на неуспех. Между тем изучением этой истории и ее

осмыслением мы почти не занимаемся, считая, видимо, такое занятие делом не актуальным. Думаю, что это глубокое заблуждение, и чем скорее мы от него избавимся, тем успешнее будет наша работа.

А.Я. Кваша (кандидат экономических наук, доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ). Некоторые проблемы демографической ситуации в СССР.

Говорить о демографической ситуации в нашей стране в целом, конечно, можно лишь с большой долей условности. У нас существуют три типа воспроизводства населения: примерно у 80% населения страны оно происходит на основе низкой рождаемости и смертности и высокой миграции; для сельского населения Средней Азии характерна высокая, не ограничиваемая рождаемость, низкая смертность и низкая миграция; переход от второго к первому типу рождаемости отмечается в Армении, Молдавии, а в последние годы уже и в Азербайджане.

В условиях ограничиваемой рождаемости общее небольшое число рождений может иметь весьма существенный разброс во времени, то есть от рождения первого до рождения второго ребенка может пройти и год, и три, и более лет, при большой миграции населения. Поэтому традиционные показатели режима воспроизводства, которые успешно использовались в прошлом, сейчас могут давать искаженную картину типа воспроизводства населения.

Видимо, прежде чем говорить о суженном воспроизводстве в той или иной части страны, нужно детально разобраться, существует ли вообще суженное воспроизводство, понимая под ним систематическое сокращение численности населения, и чем оно вызвано — то ли интенсивным оттоком молодежи, как это существует в некоторых областях РСФСР, то ли изменением репродуктивных установок семей. Различия в этих ситуациях с точки зрения возможностей управления демографическими явлениями принципиальны.

Итак, первый вывод, который я хотел бы сделать — это необходимость детального анализа демографической ситуации на основе разносторонней информации и новейших методов анализа.

Следующая проблема — оценка социально-экономических последствий различных (гипотетических и реально существующих) типов воспроизводства населения и выработка гипотез о параметрах оптимального типа воспроизводства населения. Трудность этой проблемы состоит и в том, что это должен быть оптимум не только с позиций сегодняшнего дня, но и будущего, причем под ним следует понимать, как нам представляется, не какую-то оптимальную численность, а тип воспроизводства, определение пропорции демографических структур (возрастно-половой, образовательной, региональных и ряда других структур). Словом, речь идет о создании целой системы структур. Добавим, что, учитывая слабую эргодичность возрастной структуры, необходимы десятилетия, пока нивелируются те «пики» и «впадины» в возрастной структуре населения, которые вызваны войнами и их последствиями, резкими колебаниями годовых уровней рождаемости. Таким образом, говоря о задаче демографического оптимума, мы имеем проблему, которую надо решать с позиций интересов не сегодняшнего, а завтрашнего и даже послезавтрашнего дня.

Сейчас можно, как мне представляется, определить параметры оптимального типа воспроизводства, лишь, исключая те его типы, которые явно не могут быть оптимальными. К таким типам относится суженное воспроизводство и воспроизводство с очень высокими темпами роста населения на базе не ограничиваемой рождаемости и низкой смертности. При суженном воспроизводстве (в указанном выше понимании) резко усиливаются социально-экономические последствия старения населения, а проблема трудовых ресурсов может стать столь остро, что их нехватку не сможет компенсировать рост производительности труда. Переход к однодетной семье как наиболее типичной в условиях суженного воспроизводства создает сложные социально-психологические проблемы.

Очень высокие темпы роста населения, особенно в условиях низкой подвижности, медленной адаптации к несельскохозяйственному труду, ведут к созданию трудоизбыточных районов. Очень важно и то, что при многодетности затрудняется гармоничное развитие личности женщины-матери. В условиях высоких темпов роста населения очень велики демографические инвестиции.

Можно предположить, что оптимальным будет воспроизводство простое по типу с очень небольшими темпами роста (двух-трехдетная семья с преобладанием трехдетной) с гармоничной половозрастной структурой для больших территорий. Конечно, в силу действия структурных факторов этот режим воспроизводства может варьироваться для отдельных территорий, но интенсивность демографических процессов везде должна быть примерно одинаковой.

Формирование такого типа воспроизводства в исторически кратчайшие сроки должно быть предметом заботы общества. Ведь сейчас мы, успешно развивая экономику, науку, технику, общество в целом, в значительной мере стали недооценивать роль демографических компонентов в развитии. Многие годы мы говорим о женщинах-труженицах, молчаливо подразумевая, что воспроизводительная функция будет реализоваться сама собой. В результате в системе общественных ценностей выполнение демографического долга перед обществом, стало цениться все меньше.

С другой стороны, если общество заинтересовано в поддержании определенного уровня рождаемости в стране, то оно должно рядом мер поднять (или не допускать снижения) жизненный уровень семьи при рождении нового ребенка. Нельзя полностью отрицать, как это иногда делается, необходимости мер экономической помощи семье, в том числе и разного рода денежных выплат. И если мы хотим поднять рождаемость, то в этих целях необходимо и определенное перераспределение государственных средств.

Несколько слов о проблемах «демографической революции». Сдвиги в воспроизводстве населения в XIX—XX веках, происходившие хоть и разными темпами, носят действительно количественный характер — переход от неограничиваемой рождаемости к сознательно контролируемому ее уровню, от неограничиваемой к снижающейся смертности. Если предполагать дальнейшее развитие населения по этой логике, то можно представить достаточно фантастическую, но теоретически возможную ситуацию, когда сам процесс зачатия и рождения будет отделен от организма человека. За ним останется лишь постановка «исходного материала» для такого рода операций.

Чтобы эта ситуация не казалась совсем неправдоподобной, напомним, что уже сейчас, по сути дела, половой акт и акт зачатия, единые в прошлом, в настоящее время очень часто бывают разделены. В США уже произведено большое число операций искусственного оплодотворения. Так что в принципе новые качественные скачки в процессе воспроизводства населения возможны с позиций, так сказать, технических. Другое дело — их социальные, психологические последствия. Это область, где тенденции развития определить гораздо труднее.

Еще об опыте демографического развития республик Средней Азии. Он интересен со многих точек зрения. Во-первых, там социально-экономические преобразования начались в основном в той же демографической ситуации, что и во многих развивающихся странах. Однако принципиальное отличие этих преобразований состояло в том, что социалистический общественный строй позволил предоставить этим районам экономическую и иную помощь (например, весьма важную помощь специалистами из других районов страны, подготовка национальных кадров), что в сфере общественных отношений и экономики произошел огромный скачок. Эти районы перешли от феодальных к социалистическим отношениям, минуя капитализм. Все это обеспечило резкое снижение смертности, причем в значительной степени уже в предвоенный период, то есть до «эры антибиотиков». В то же время репродуктивные установки остались в сельской местности республик Средней Азии практически неизменными. Более того, рост жизненного уровня населения, снижение числа специфических женских заболеваний, благожелательное и поощрительное отношение государства к многодетности способствовали укреплению идеала многодетной семьи.

Конечно, и без соответствующей демографической политики, направленной на снижение рождаемости, в этих районах будут действовать факторы, стимулирующие снижение рождаемости. Процессы эти довольно интенсивно начинаются в Азербайджане — республике, во многом близкой по характеру традиций к республикам Средней Азии, но характер экономического и особенно темпы промышленного развития АзССР значительно ускорили начало процессов снижения рождаемости.

Однако даже если интенсивность рождаемости в сельской местности республик Средней Азии начнет снижаться где-то в районе 1985-1990 гг., то и в этом случае, как показывает опыт Молдавии и Армении, этот процесс продлится не один год. Но и после существенного снижения рождаемости молодая возрастная структура населения этих республик будет поддерживать сравнительно высокие темпы естественного прироста населения. Так, только за счет возрастной структуры (так называемый демографический потенциал роста) население Узбекской ССР в 1970 г. могло бы увеличиться на 75%, Таджикской ССР - на 80%, РСФСР - на 22%, Украинской ССР - на 14%, а Эстонии - лишь на 6%. Таким образом, еще многие годы высокие темпы естественного прироста населения будут характерны для сельского населения республик Средней Азии.

Проблемы населения нуждаются в глубоком и всестороннем анализе, они должны стать важным направлением исследований нашей науки.

Н.П. Бочков (член-корреспондент АМН СССР, директор Института медицинской генетики АМН СССР). Современные демографические процессы и генетика человека.

Одна из «модных» тем в последние годы — тема «демографического взрыва», методов его ограничения, политики в этом вопросе и т. д. При этом в первую очередь должны быть подвергнуты «анатомическому» препарированию социальные, экономические и биологические аспекты данного явления. Лишь после этого можно обсуждать взаимодействие разных факторов в демографических явлениях и выработать конкретные рекомендации. Очень важно показать широкой аудитории, что в этих проблемах неясного, что заслуживает обдумывания, может быть, специальной научной разработки.

Говоря о генетических аспектах рассматриваемых сегодня вопросов, мне хотелось бы остановиться на трех тезисах. Поскольку я не занимаюсь специальной разработкой этих вопросов, возможно, что присутствующие здесь биологи могут не только изложить другую точку зрения, но и показать, в чем я неправ.

Есть ли для человека биологическая необходимость в сохранении естественного максимального деторождения? Вызовет ли биологические последствия ограничение деторождения (например, одним — тремя детьми)? Ведь существует точка зрения, согласно которой человек должен размножаться так, как ему биологией положено.

На мой взгляд, биологической необходимости в максимальном деторождении нет, то есть нет таких биологических механизмов, которые нарушались бы демографической политикой, направленной на ограничение деторождения. Есть более чадолюбивые супружеские пары и есть пары менее чадолюбивые. Есть люди, которые себя чувствуют хорошо и интенсивно работают, когда их окружают 5—7 детей. Есть и такие пары, которые сразу перекладывают заботу о детях на бабушек или на детские сады. В этом отношении мы, очевидно, сталкиваемся с нормальной человеческой вариабельностью.

Возникает вопрос: не будет ли ограничиваться демографической политикой свобода личности чадолюбивых родителей? Мне кажется, что для каких-то резко выделяющихся в этом отношении супружеских пар могут быть сделаны исключения. Это не явится серьезным препятствием для демографической политики, если она будет направлена на сокращение деторождаемости.

Какое влияние могут оказывать «демографический взрыв» и демографические ограничения на человечество в целом? Будет ли избирательная рождаемость нарушать существующий генофонд человечества? Не явится ли социальное регулирование деторождения вмешательством в эволюцию генофонда человечества? У меня такое впечатление, что не только в ближайшее время, но и в ближайшие столетия это не вызовет существенных изменений в генофонде населения всего земного шара. С генетической точки зрения существует мощный противовес процессам изменения генофонда за счет ограничения деторождения. Это — резкое ослабление «границ» браков, которое увеличивает гетерогенность популяций Земного шара и тем самым делает более единым в генетическом отношении все население Земного шара.

Несомненно, что популяционная генетика пока еще не обладает достаточным запасом знаний, чтобы предвидеть возможные изменения генофонда в связи с будущей демографической политикой. Эти вопросы находятся сейчас в стадии изучения. Я имею в виду, например, то, что до последнего времени человечество эволюционировало в малых группах. Сейчас с генетической точки зрения мы имеем другую ситуацию, и с этим необходимо считаться, необходимо изучать и прогнозировать новые явления.

Я не считаю, что демографическая политика может оказаться чем-то особенно опасным для наследственности человека. Вместе с тем следует отметить, что и этот вопрос требует более детальных и тщательных исследований.

Не будет ли демографическая политика регламентирована какими-либо генетическими закономерностями, например, не являются ли наследственные болезни или даже просто мутации факторами, которые должны как-то приниматься в расчет при осуществлении демографической политики?

С моей точки зрения, все современные сведения о наследственных болезнях, о месте наследственности в патологии человека, весь фундамент медицинской генетики никак не должны браться в основу формирования демографической политики. Ограничение или увеличение деторождения никак не может изменить частоты наследственных болезней.

Вопрос с места. По поводу вашего второго тезиса. Существует точка зрения, согласно которой первенцы менее жизнестойки, чем дети от последующих беременностей. Ограничение рождаемости, происходящее под влиянием многих факторов, приводит к тому, что доля первенцев среди рождаемых ежегодно детей увеличивается. Может ли сокращение рождаемости оказать на это влияние? Как Вы относитесь к этой точке зрения?

Н.П. Бочков. Думается, что правильное медицинское ведение родов гарантирует сохранение здоровья человечества, даже если у каждой супружеской пары будет один ребенок.

В.И. Козлов. Меня интересует вопрос, существует ли оптимальное в биологическом отношении для женщин число рождений? Я немного знаком с литературой по этому вопросу, и у меня сложилось впечатление, что если детей мало, то возрастает опасность рака груди, а если много — то рака матки. Так ли это?

Н.П. Бочков. Насколько я себе представляю, видимо, существует определенное, оптимальное для женщины число деторождений, в пределах 2-5. Более точно мне ответить трудно. Думаю, что к настоящему времени эти проблемы усложняются тем, что для современной женщины часто характерно большое количество абортов, а аборты действительно вредны. Количество беременностей определенно должно соответствовать количеству родов.

Вопрос с места. Это значит, что до XX века все человечество жило в неоптимальных условиях и тем не менее выжило?

Н.П. Бочков. Конечно. Но посмотрите, как выглядят в восточных странах женщины в возрасте 35 лет, имеющие 11-12 детей. Вы не поверите, что им всего 35 лет.

Вопрос с места. А нерожавшие женщины выглядят по возрасту?

Н.П. Бочков. Нерожавшие женщины не всегда выглядят по возрасту, но это — следствие вытекающей отсюда гормональной неустойчивости.

Я.Я. Рогинский. В поддержку того, что говорил о первенцах Н.П. Бочков, я хочу отметить, что тут есть методические трудности. Когда мы сопоставляем первенцев и детей более позднего рождения, то заранее, когда имеем дело с первенцами, имеем дело со сборной группой, поскольку туда входит группа, где первый так и остался единственным.

Ю.Г. Рычков. Верно ли, что дифференциальное увеличение рождаемости в разных странах не скажется на человеческом генофонде в целом? Я беседовал с американским генетиком Стейнбергом, и он сказал, что генетически «средний» житель Земли больше всего был бы похож на китайца.

Н.П. Бочков. Я имел в виду, что такое изменение генофонда, которое связано с дифференциальным размножением, не ухудшает человечество с генетической точки зрения.

Ю.Г. Рычков. Вы берете среднюю цифру. Как вы это делаете?

Н.П. Бочков. Говоря об этом, я подразумевал, что для человечества в целом не так уж важно, будет ли чуть-чуть больше негритянских, или европейских, или каких-либо других генов. Каждая группа, которая размножается, обладает достаточно широким набором генов, поэтому дифференциальное размножение не будет фактором, ограничивающим социальный прогресс человечества.

В.А. Болдырев (кандидат экономических наук, директор издательства «Статистика»). Тенденции развития социалистической экономики и демографическая политика.

Я хочу поставить вопрос: как мы должны относиться к такому типу воспроизводства населения, который устанавливается на весьма низком уровне – 1-2-детная семья? Хорош он или плох с точки зрения решения социально-экономических проблем общества? Вопрос ставится потому, что сейчас отношение экономистов и демографов к этому чрезвычайно противоречиво. Оценивая динамику роста населения в развивающихся странах, справедливо отмечают отрицательные аспекты «демографического взрыва». Правильно подчеркивается и то, что решение проблем народонаселения развивающихся стран возможно не в результате мер, связанных с непосредственным воздействием на уровень рождаемости, а путем осуществления комплекса социально-экономических преобразований, которые и приведут в итоге к нормализации демографических процессов. Однако как только взоры специалистов обращаются к развитым странам, то речь уже идет о том, что рост населения в них недостаточен.

Нам представляется, что нынешний дуализм в подходе к режиму воспроизводства населения основан на односторонней оценке роли современного человека в производстве материальных благ. Существует такая концепция: человек за свой век создает больше материальных благ, чем потребляет, а раз так, то прибавочный продукт будет тем больше, чем больше людей, или, другими словами, чем больше населения, тем лучше (к

развивающимся странам этот принцип почему-то не применяется). При этом, однако, упускают из поля зрения то обстоятельство, что современное крупное машинное производство требует определенного соотношения между материально-вещественными элементами производства и человеком.

Как известно, развитие народонаселения находится под непосредственным воздействием производственных отношений. В капиталистическом обществе (на той его ступени, которую исследовал К. Маркс) нет единой закономерности для различных классов в естественном воспроизводстве населения. Абсолютное возрастание пролетариата диктуется потребностями капиталистического машинного производства. Воспроизводство в семьях капиталистов корректируется законом концентрации и централизации капиталистического производства. К потребностям в воспроизводстве данной численности населения так или иначе приспособляются все остальные демографические процессы — уровень и характер брачности, число детей в семье, продолжительность жизни, миграции населения.

Конечно, марксисты решительно отвергают вульгарно-экономические концепции, которые не учитывают воздействия на экономический процесс надстроечных явлений—морали, права, религии и т. д. Желаемое число детей в семье является субъективно осознанной потребностью общества в том или ином типе воспроизводства населения. Но, разумеется, это субъективное восприятие далеко не всегда адекватно отражает общественную потребность, и последняя проявляется только как господствующая тенденция.

К тому же имеются и собственно демографические закономерности, отражающие как биологическую природу человека, так и различные экстремальные условия жизни общества. Например, закономерными являются известное соотношение между числом родившихся мальчиков и девочек, компенсационный период рождаемости после войн и крупных эпидемий, зависимость уровня смертности и рождаемости от возрастной структуры населения. Все это в еще большей степени запутывает исследование закономерностей воспроизводства населения, создает иллюзию независимости их от господствующих социально-экономических отношений.

Следует сказать, что потребности общества в том или ином типе воспроизводства населения зачастую не остаются неизменными даже в рамках одной и той же общественно-экономической формации. Существенно изменяются потребности в росте населения в ходе развития социалистического общества. Становление нового способа производства было неразрывно связано с необходимостью перевода нашей страны на рельсы индустриального развития, что создавало огромный спрос на живой труд. Вряд ли случайным является то обстоятельство, что в советский период наивысшего уровня рождаемость и естественный прирост достигали в 1926-1928 годах и после этого неуклонно и заметно снижались.

Положение радикально изменилось в связи с построением в нашей стране развитого социалистического общества, в условиях которого по-иному ставится вопрос о количественном и качественном аспектах увеличения народонаселения. На предшествующих этапах развития страны огромное значение имели экстенсивные факторы роста экономики, в том числе быстрое увеличение численности работающих в сфере

общественного производства. В развитом социализме главный источник роста экономики — всемерная интенсификация производства, повышение его эффективности. Решать эту задачу можно не столько путем увеличения численности работающих, сколько путем повышения уровня специальных знаний, высокой профессиональной подготовки и общей культуры человека. Это становится обязательным условием успешного труда все более широких слоев населения. Поскольку это так, то развитое социалистическое общество направляет усилия на создание условий, благоприятствующих всестороннему развитию способностей всех трудящихся, главной производительной силы общества.

Увеличение прироста населения, а следовательно, и трудовых ресурсов потребует по-иному рассматривать проблему распределения национального дохода на фонд накопления и фонд потребления. В нашей стране примерно четверть национального дохода направляется на накопление, а остальное — на потребление. Причем претворение в жизнь курса Коммунистической партии на существенное повышение материального благосостояния трудящихся связано с изменением пропорций в пользу потребления. Так, в текущей пятилетке намечено несколько снизить долю накопления: в 1970 г. она составляла 26%, а в 1975 г. уменьшится до 25,4%. Однако если численность занятых в народном хозяйстве будет увеличиваться более быстрыми темпами, чем в настоящее время, то осуществить этот важный структурный сдвиг в экономике не представится возможным, потому что дополнительные контингенты рабочей силы будут нуждаться в соответствующем количестве рабочих мест, а каждое из них в промышленности (учитывая только основные производственные фонды) стоит более 9 тыс. рублей. Если бы, к примеру, численность промышленно-производственного персонала возросла на 1 млн человек, то это потребовало бы дополнительных вложений на 9 млрд рублей, или всего прироста национального дохода, полученного в 1972 г.

В капиталистических странах приливы в рождаемости и естественном приросте могут привести к еще большему обострению социальных противоречий антагонистического общества, усилить проблему безработицы. Например, в США период повышенной рождаемости, продолжавшийся до середины 60-х годов, привел к тому, что в настоящее время в трудоспособный возраст начинают вступать большие группы молодежи. Это вызывает серьезную тревогу у ряда американских деятелей, которых беспокоит неспособность общества обеспечить рабочими местами все трудоспособное население. Этим, видимо, в значительной мере вызвана программа стабилизации населения, осуществляемая в настоящее время в США.

Те советские экономисты-демографы, которые отстаивают тезис о необходимости резко активизировать выработку мер, обеспечивающих существенное повышение рождаемости и естественного прироста населения, приводят такие аргументы.

1. Потребности экономического развития страны. Так, В.И. Переведенцев полагает, что при относительно высокой рождаемости постоянно увеличивается численность рабочей силы, причем темпы этого увеличения прямо пропорциональны уровню рождаемости. Это, по его мнению, даст возможность развивать народное хозяйство не только интенсивным, но и экстенсивным путем — увеличивая численность функционирующей в народном хозяйстве рабочей силы.

Такая постановка вопроса, на наш взгляд, не вполне соответствует сути поворота в экономической политике, которого потребовал XXIV съезд КПСС. «Главная задача сейчас,— говорил Л.И. Брежнев,— это круто изменить ориентацию, перенести упор на интенсивные методы ведения хозяйства, обеспечить тем самым серьезное повышение эффективности экономики»⁴.

Экономисты различают две формы интенсивного расширенного воспроизводства: фондоемкую и фондосберегающую⁵. В первой экономия живого труда достигается путем замены ручного труда машинным. Этим самым преодолевается ограниченность прироста рабочей силы.

При фондосберегающей форме действующие машины заменяются более высокопроизводительными, и в этом случае достигается экономия как живого труда, так и функционирующих производственных фондов. Сегодня наша социалистическая экономика быстрыми темпами приближается именно к фондосберегающей форме интенсивного типа общественного воспроизводства. Таким образом, нынешний этап ее развития и тем более будущее мало зависят от увеличения прироста рабочей силы; они зависят прежде всего, как уже отмечалось, от ее качества, от способности использовать возможности новейшей техники и технологии.

Конечно, не последнее место здесь принадлежит решению проблем организации и управления производством, обеспечивающих рациональное использование функционирующей рабочей силы. Имеющийся сейчас значительный дефицит кадров объясняется отнюдь не малым приростом трудовых ресурсов (доля трудоспособного населения ныне весьма высока), а в первую очередь недостаточно эффективным их использованием.

Разумеется, все эти аргументы справедливы в том случае, если обеспечивается по крайней мере возмещение естественной убыли рабочей силы, а это может достигаться и при стабильном населении. Таким образом, можно высказать предположение, что с точки зрения роста экономики развитого социалистического общества отсутствует необходимость в форсированном увеличении численности населения.

2. Следующим аргументом в пользу существенного повышения рождаемости и естественного прироста населения ряд экономистов считает необходимость сдерживания процесса старения населения.

Конечно, нельзя не признать, что повышение уровня рождаемости быстрее окажет влияние на изменение возрастной структуры населения, на ее омоложение, но лишь при непременном условии, что подъем рождаемости будет постоянным. В том же случае, если данное условие выдержано не будет, то процесс старения не преодолевается, а лишь только смягчается и отодвигается по времени.

3. По мнению отдельных экономистов, необходимо увеличить уровень рождаемости и естественный прирост для того, чтобы не уменьшался удельный вес нашей страны в

⁴ Л.И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 51.

⁵ См. «Факторы экономического развития СССР». М., 1970, стр. 12.

населении мира. Если допустить, что население СССР перестанет расти — рассуждают эти экономисты,— а население мира будет увеличиваться на 2% в год, как в последнее время, то доля населения СССР будет уменьшаться в 2 раза каждые 35 лет⁶.

Абстрактность этих аргументов поразительна. Прежде всего население СССР вовсе не перестало расти, а увеличивается примерно на 1% в год,— значительно быстрее, чем в большинстве развитых в экономическом отношении стран. К 2000 году численность граждан Страны Советов превысит, вероятно, 300 миллионов человек. Кроме того, почему же в рассуждениях о снижении удельного веса населения нашей страны так безапелляционно отодвигается в сторону единодушное мнение советских специалистов относительно того, что нынешний быстрый рост населения развивающихся стран, которые и дают основную долю прироста населения мира, явление преходящее? Под воздействием социально-экономических преобразований в развивающихся странах рождаемость и естественный прирост в них будут снижаться, такая тенденция уже обозначилась.

Необоснован разговор о снижении доли населения СССР и в практическом плане. Что в самом деле будет означать попытка удержать эту долю неизменной? Необходимость увеличить рождаемость до 35-40 на тысячу населения. Можно совершенно определенно утверждать, что никакими мерами, даже если бы эта задача признавалась первостепенной, решить ее не представляется возможным.

Таким образом, пока нет веских оснований говорить о необходимости повышения уровня рождаемости и естественного прироста в нашей стране. Для нормального функционирования развитого социалистического общества достаточно иметь стабильное население, к чему мы, очевидно, и приблизимся в недалекой перспективе.

В нашей стране за последние десятилетия сформировался определенный тип семьи — в основном это семья, состоящая из брачной пары с одним или двумя детьми. Родители ребенка хотят дать ему хорошее и разностороннее образование, не считаясь подчас с затратами. Можно ли все это объяснить, основываясь только на желаниях родителей? Очевидно, нет.

Объективно существующая общественная потребность в определенном типе воспроизводства населения — первопричина всех демографических изменений. Эта потребность общества реализуется и в типе семьи, и в стремлении родителей дать своему ребенку высокое образование и всестороннее развитие. А на поверхности явлений представляется, что родители руководствуются другими, собственными мотивами, мало что общего имеющими с объективной общественной потребностью⁷. По мнению некоторых наших экономистов, активизировать демографическую политику — значит устранить (по крайней мере, смягчить) действие тех мотивов, которыми руководствуются

⁶ См., например, В.К. Переведенцев. Население и хозяйство. М., 1971, стр. 9.

⁷ В.А. Белова и Л.Е. Дарский пишут, что «люди склонны объяснять свое поведение не подлинным основным мотивом, а тем набором мотивов, которые одобряются общественным мнением социальной группы». («Статистика мнений в изучении рождаемости». М., 1972, стр. 122). Авторы говорят о том, что в числе мотивов называются такие, причина которых уже давно перестала существовать.

родители, ограничивающие число детей. Но, очевидно, такая попытка окажется малоперспективной.

Может ли общество вообще оказывать влияние на уровень рождаемости? В известных пределах, несомненно. Но прежде чем осуществлять это, необходимо всесторонне взвесить целесообразность предполагаемых мер. Сегодня же главные направления демографической политики, по нашему мнению, лежат не в области разработки мер, способствующих повышению рождаемости, а в подъеме интенсивности воспроизводства населения — дальнейшем снижении детской смертности и смертности людей в трудоспособном возрасте. Важной задачей является также оптимизация миграций населения.

В.И. Переведенцев (кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР). Необходимо стимулировать рост населения в нашей стране.

В своем выступлении я остановлюсь на тех вопросах, о которых здесь говорил В.А. Болдырев, и попытаюсь обосновать противоположную точку зрения.

В представлении ряда специалистов демографическая ситуация последних лет в нашей стране вполне удовлетворительна, а по мнению некоторых, даже прекрасна. Как же, ежегодный естественный прирост составляет почти процент! Однако для демографа ясно, что этот все еще значительный прирост есть следствие особенностей возрастного строения нашего населения. Он не характеризует состояние демографического воспроизводства. Воспроизводство населения — это процесс замещения детьми родительского поколения. Лучше всего он характеризуется нетто-коэффициентом воспроизводства, выражающим количественное замещение женщин материнского поколения дочерьми. Этот коэффициент в СССР равнялся 1,7 в конце 20-х гг., 1,3 — в конце 50-х гг., 1,1 — в последнее десятилетие. Таким образом, режим воспроизводства населения за столетия изменился коренным образом. Чуть расширенное воспроизводство обеспечивается Средней Азией и Азербайджаном, где его коэффициент больше 2. В то же время на территории, где проживает 3/4 населения страны, коэффициент ниже 1, то есть воспроизводство суженное, дети не могут количественно заместить родителей. Таково положение в РСФСР в целом, на Украине и в Латвии. Достаточно снижения воспроизводства населения в Средней Азии и Азербайджане до среднего по стране уровня, чтобы и по стране в целом оно стало суженным. Между тем никто из демографов, кажется, не сомневается, что в этих республиках неизбежен переход к новому режиму воспроизводства, характерному для центральных и западных районов страны. Просто демографическая революция в Средней Азии совершится несколько позднее, чем в других районах. Рост доли горожан, изменения социальной структуры населения (рост доли интеллигенции и квалифицированных рабочих) также ведут к снижению рождаемости. Таким образом, тенденции воспроизводства определяются вполне однозначно. А если воспроизводство населения станет суженным по стране в целом в недалеком будущем, то каковы будут демографические последствия этого?

В этом случае последствиями будут резкое сокращение прироста населения, а возможно, и его прекращение, а также значительное увеличение в его составе доли старших

возрастов. Обычно главным показателем старения считается доля тех, кому за 60 лет. В населении СССР доля таких людей в 1939 году составляла 7%, в 1959 — 9%, в 1970—12%. Если предположить, что до конца столетия сохранятся повозрастные коэффициенты рождаемости и смертности 1970 года, то в 2000 году 17% всего населения будут составлять те, кому больше 60 лет.

Теперь рассмотрим экономические последствия этих процессов. Очевидно, в населении возрастет доля иждивенцев. Хотя одновременно с увеличением доли стариков уменьшается доля детей, с точки зрения нагрузки на общество эти изменения неравноценны, поскольку содержание одного старика обходится обществу в полтора-два раза дороже, чем человека в дотрудоспособном возрасте. Этому обстоятельству в специальных работах по старению населения придается очень большое значение. Мне представляется, что это значение преувеличено. Значительно более важно старение населения в трудоспособном возрасте, то есть увеличение доли тех, кому за 40 и 50 лет, и уменьшение доли младших возрастных групп. Известно, что примерно с 40 лет увеличивается «инвалидизация» с полной или частичной потерей трудоспособности и падает производительность труда работников, сначала медленно, потом все быстрее. Разумеется, я говорю о среднем случае. Технический прогресс, снижая требования к физической силе работников, повышает в то же время требования к психофизиологическим данным работников.

Известно, что в условиях НТР возникает множество новых профессий, а многие старые профессии отмирают или число занятых в них сильно сокращается. Следовательно, резко повышается потребность в профессиональной мобильности. Можно ли не видеть, что мобильность молодежи несравненно выше, чем лиц зрелого, а тем более преклонного возраста?!

Немалое значение имеет для общества и общее количество функционирующих работников. У общества в целом, как и у отдельного предприятия, имеются так называемые «независимые» расходы (независимые от размеров экономического организма). Так, расходы на оборону, на освоение космоса, на дорогостоящие крупные научные программы не зависят практически от количества населения или зависимость здесь обратная (например, военные расходы). Доля «независимых» расходов, приходящихся на каждого работника, уменьшается при росте общего числа работников.

Таким образом, серьезных доводов «от экономики» в пользу снижения рождаемости нет. Если же взять население Советского Союза со всеми его особенностями, то мнение о благотворности снижения рождаемости становится попросту нелепостью. Возрастное строение нашего населения «волнообразно». Периоды относительно высокой рождаемости неоднократно сменялись периодами низкой рождаемости. Это чрезвычайно важно с точки зрения народного хозяйства. В одни периоды в рабочий возраст входят относительно многолюдные поколения, а выходят из него малолюдные, и численность трудовых ресурсов быстро растет, в другие — подрастает малолюдное поколение, а выходит из рабочего возраста многолюдное (так было в первой половине 60-х годов). Сейчас мы переживаем период, когда работниками становятся люди рождения 50-х годов, а выходит из рабочего

возраста малочисленная категория людей, родившихся в годы первой мировой и гражданской войн.

Большой прирост трудовых ресурсов продлится все 70-е годы, однако в 80-е годы положение резко изменится: в трудовой возраст будет входить относительно малолюдное поколение 60-х годов рождения. Тогда прироста трудовых ресурсов в стране не будет. Если разделить последние 30 лет нашего столетия на две равные части, то прирост населения СССР в возрасте от 20 до 60 лет в первые 15 лет (1971—1985 гг.) предположительно будет равен 30 миллионам человек, а в последние 15 лет (1986—2000 гг.) максимально 5 миллионам человек. Это говорит о том, что условия развития народного хозяйства коренным образом меняются. Каковы будут последствия этого?

Разумеется, для детального ответа на этот вопрос нужны специальные исследования. Однако у меня нет никакого сомнения в том, что в целом последствия будут весьма неблагоприятными. Совершенно очевидно, что в течение последних 15 лет будет резко возрастать доля иждивенцев в населении страны. Произойдет не только относительное, но и абсолютное уменьшение численности занятых в отраслях материального производства.

Хорошо известно, что структура занятости в нашем народном хозяйстве постоянно смещается в пользу непромышленных отраслей. Этот процесс нельзя будет остановить и в 80-е годы, между тем прирост занятости в этих отраслях будет автоматически означать уменьшение занятости в материальном производстве. Складывается принципиально новая ситуация: если до сих пор национальный доход постоянно рос значительно быстрее, чем производительность труда, то в 80-е годы он будет расти медленнее. И отнюдь не ясно, удастся ли этот эффект «погасить» целиком или частично путем повышения производительности труда, так, чтобы темпы прироста национального дохода не снизились.

Из этого видно, что конкретная демографическая ситуация страны сегодня и завтра требует повышения, а не снижения рождаемости. Однако хочу еще раз подчеркнуть, что демографически вопрос сейчас стоит не о высокой рождаемости и большом приросте населения, а о том, будет ли у нас чуть-чуть расширенное или суженное воспроизводство населения.

Что касается оптимального режима воспроизводства населения вообще (то есть без отмеченных особенностей населения нашей страны), то все исчисления находят оптимум в области расширенного воспроизводства. В частности, по расчету советского демографа А.Я. Кваши, оптимальным для СССР был бы чистый коэффициент воспроизводства, равный 1,2.

Теперь остановлюсь кратко на причинах громадного снижения рождаемости и воспроизводства населения в 60-е годы. Кстати, советские демографы не предвидели этого снижения. Официальный, грубо ошибочный прогноз ЦСУ на 1980 год исходил из того, что повозрастные показатели рождаемости падать не будут. Дело в том, что нельзя найти объяснения многих демографических явлений и процессов, оставаясь в рамках демографии. Именно поэтому особенно ценна инициатива «Вопросов философии», общими усилиями мы быстрее достигнем эффекта.

Одна из главных причин долговременного, с середины 20-х годов падения рождаемости — изменение экономических отношений в семье. Раньше положение было такое: сначала родители содержат детей, потом дети — родителей. Сейчас же дети уже в большинстве случаев не содержат родителей. У семьи исчез экономический стимул рождаемости. Когда готовился и в 1956 году был принят новый закон о пенсиях, этой стороны дела не учли, и пенсионное обеспечение пришло в резкое противоречие с демографическими интересами общества. Только в том случае, если у женщины пять или более детей, она может раньше других выйти на пенсию. Но ведь таких семей теперь мало. А если у женщины четверо детей, она не имеет никаких пенсионных преимуществ перед той, у которой один ребенок.

Вторая важнейшая причина падения рождаемости, особенно в 60-е годы, — резкое увеличение трудовой нагрузки женщин. Усиленное вовлечение женщин в общественное производство в последние 15 лет без соответствующего развития сферы обслуживания привело к тому, что большинство наших женщин имеют ежедневно два рабочих дня: в общественном хозяйстве и дома. При этом, по данным ряда социологических исследований, второй, домашний рабочий день у многих женщин составляет 5-6 часов. Не удивительно, что обнаруживается тенденция массового перехода к двухдетной и однодетной семье.

Поскольку главная ячейка воспроизводства населения - семья, надо серьезно заняться исследованием процессов создания, функционирования и распада семей. Известно, что в настоящее время значительно возросло количество разводов. В 1950 году на 100 браков приходилось 3 развода, в 1974 году - 28. При этом треть разводов падает на семьи, существовавшие менее года, еще треть — от года до пяти лет. Таким образом, развод — проблема молодых семей.

Не менее важен и другой факт. Если 10—15 лет назад подавляющее большинство разведенных в скором времени вступало в новый «законный» брак (особенно это относится к мужчинам, которым в повторный брак вступить было легче), то теперь подавляющее большинство разведенных новых «законных» семей не создает. С 1966 года ежегодно происходит около 650 тыс. разводов; кроме того, более 100 тыс. мужчин ежегодно остаются вдовцами в относительно молодых (до 50 лет) возрастах. Но количество повторных браков снижается и в последние годы составляет немногим более 300 тыс. ежегодно. Из числа разведенных ежегодно вступают в повторный брак не более 12% мужчин, могущих это сделать. Это заставляет предполагать, что сейчас в разводах важно не только, а может быть, и не столько недовольство конкретным партнером (женой или мужем), сколько недовольство самим институтом брака. Перепись 1970 года показала громадное возрастание доли неженатых мужчин по сравнению с 1959 годом. Надо при этом иметь в виду, что перепись учитывала «фактические семьи», независимо от того, зарегистрированы они или нет. Несомненно, что у нас очень много фактических семей, которые не являются юридическими. Одно из доказательств этого — почти полуторамиллионный перевес «замужних» женщин над числом «женатых» мужчин по переписи 1970 года (в два раза больше, чем в 1959 году). Во многих случаях женщина считает, что она замужем, а мужчина, ее партнер, что он не женат.

Наконец, социологические исследования показали, что у нас произошли быстрые и крутые перемены в области половой морали, что добрая и внебрачная половая жизнь из редкого исключения фактически стала нормой.

Много теперь ходит толков относительно того, что семья вообще или семья в ее нынешнем виде себя изживает. Однако никто не видит, кажется, каких-либо иных путей в этом деле. Все функции семьи можно передать иным формам человеческих объединений, кроме, видимо, полноценного воспитания детей. Правда, отдельные исследователи полагают, что следует перейти к полностью обобществленному воспитанию (ясли-интернат, детский сад-интернат, школа-интернат и т. д.). Мне этот путь представляется чрезвычайно сомнительным. Во всяком случае, никто еще не сумел доказать его преимущества перед семейным воспитанием. Пока же функция социализации детей остается преимущественно за семьей, и пока семья — главный воспитатель, нужно, видимо, всеми силами укреплять институт семьи. Для этого нужно найти современные, эффективные, гуманные и научно обоснованные пути.

Кратко о мерах по регулированию рождаемости. Из всего, что я сказал, ясно, что регулировать рождаемость придется и что регулирование это должно быть направлено в сторону повышения рождаемости. Известно, что наша демографическая политика всегда была направлена на повышение рождаемости. В частности, в последнее время осуществляются такие мероприятия, как выплата пособий на детей для семей, в которых доход на одного члена не более 50 рублей, увеличение числа оплачиваемых дней в связи с болезнью ребенка, установление пособий по случаю беременности и родов в размере полной зарплаты независимо от стажа. Поскольку для простого воспроизводства населения нужна трехдетная семья, идеальным с демографической точки зрения было бы такое положение, при котором жизненный уровень трехдетной семьи не был бы ниже, чем двух- и однодетной (разумеется, при прочих равных условиях). Во всяком случае, следует стремиться к тому, чтобы падение уровня жизни семьи с появлением нового члена было как можно меньшим.

Здесь нет смысла перечислять все возможные меры стимулирования рождаемости. Как показывает опыт ряда стран, целенаправленная демографическая политика может быть очень эффективной.

Для решения научных проблем воспроизводства населения необходимо создание достаточно мощных специальных демографических научных учреждений. Будь они у нас — по многим важным вопросам мы располагали бы твердыми знаниями вместо шатких предположений, демографические прогнозы значительно меньше отличались бы от действительности, а некоторые претенциозные выводы по демографическим вопросам на основе «здравого смысла» были бы невозможны. Надо отрешиться от представлений, что в проблеме рождаемости все ясно и без науки, как это некоторым до сих пор, несмотря на все уроки, кажется.

**В.И. Козлов (доктор исторических наук, Институт этнографии АН СССР).
Проблема детерминации демографических явлений.**

Наше обсуждение проблем демографии было бы, очевидно, еще более плодотворным, если бы оно шло не только и даже не столько «вширь», сколько «вглубь». Широта затронутых

за Круглым столом тем явно обусловлена участием в нем представителей самых различных наук - от биологов до экономистов. Кроме того, случалось так, что демограф старался показать свое знание генетики, а генетик — то, что ему не чужды проблемы социологии. Все это хорошо, но не следует забывать о том, что перед нами находятся сложные проблемы, которые требуют разработки именно «вглубь».

Хотелось бы также особо отметить то обстоятельство, что мы собрались здесь под эгидой философского журнала, однако философски обобщенных выводов было пока, к сожалению, не очень много; обсуждение некоторых проблем было, на мой взгляд, излишне конкретизировано и заземлено. Между тем имеется ряд важных методологических вопросов, которые хотелось бы обсудить именно здесь с целью упрочения полезной кооперации демографов (в широком смысле этого слова) с философами.

Один из вопросов, по которому, как мне представляется, демографы могут и должны кооперироваться с философами, — это уточнение места демографии в системе наук. Это вопрос не второстепенный, а очень важный, так как разработка его в конечном счете ведет к необходимости выяснения самой сущности демографических явлений, сущности факторов, которые на них действуют, и закономерностей, которые в них проявляются.

Исторически сложилось так, что советская демография формировалась и развивалась в рамках экономической науки. Это имело определенное положительное значение, так как непосредственно привлекало демографов к решению важных задач экономического развития (таких, например, как воспроизводство рабочей силы), предохраняло демографов от биологизаторских концепций и т. д. Однако это породило и некоторые отрицательные моменты, проявлявшиеся в попытках установить излишне прямолинейную зависимость демографических явлений, в частности рождаемости, от экономических факторов. Такие тенденции, перекликающиеся в чем-то с идеями экономического материализма, обнаружились и на нашем заседании, особенно в развернутой В.И. Переведенцевым аргументации за введение денежных пособий на детей, преимущественно на третьего ребенка, с тем, чтобы приблизить уровень рождаемости в различных районах страны к оптимальному.

Нисколько не возражая против целесообразности введения существенных по своим размерам денежных пособий на детей, как это уже сделано в большинстве социалистических стран Европы, хочу отметить, что такие пособия всегда повышают материальный уровень семей, но не всегда повышают уровень рождаемости. Денежными надбавками можно устранить лишь нехватку денег в семье, но они оказываются малоэффективными во всех других многочисленных случаях ограничения рождаемости, связанных, например, с желанием женщины сохранить полюбившееся ей занятие, с семейными неурядицами из-за «несходства характеров» и т. п. Не устранят подобных случаев и другие формы так называемого материального стимулирования рождаемости. Я уже не говорю о том, что рождаемость находится чаще в обратной, нежели в прямой зависимости от уровня благосостояния: в большинстве своем наши семьи живут все лучше, а рожают детей все меньше.

Я остановлюсь несколько подробнее на проблемах рождаемости, так как именно они являются сейчас основными демографическими проблемами. Мне хотелось бы отметить,

что трудность их изучения и их решения вызвана тем, что демографический процесс является результирующей целого ряда разнородных факторов. Сугубо экономические факторы как таковые являются здесь не основными и не главными. Более важны, по-видимому, так называемые социально-экономические факторы, состав которых до сих пор не вполне установлен и в число которых нередко включают как чисто экономические факторы (например, доход семьи), так и социально-культурные факторы (например, уровень образования). Однако влияние социально-экономических факторов на рождаемость также не следует преувеличивать. Хорошо известно, что население всех частей СССР в настоящее время однотипно в социально-экономическом отношении, однако дифференциация рождаемости остается очень большой: эстонские колхозники по уровню своей рождаемости весьма близки к эстонским или русским рабочим и служащим, но резко отличаются от узбекских колхозников, имеющих примерно такие же доходы, уровень образования и т. д. По силе воздействия социально-экономические факторы здесь уступают факторам, которые можно назвать этническими (культурно-бытовыми) и которые в ряде случаев (это особенно характерно для мусульманского в прошлом населения) связаны с религиозными факторами.

Кроме перечисленных выше факторов, следует отметить существенную роль таких социологических факторов, как форма семьи и характер внутрисемейных отношений. Развернувшийся в последнее столетие процесс распада больших, неразделенных семей, ослабления семейно-родовых связей и обычаев, приведший в итоге к так называемой автономизации малых семей, состоящих преимущественно из представителей всего двух поколений, во многом способствовал распространению внутрисемейного ограничения числа детей. Человек - разумное существо, поэтому все названные факторы действуют, проходя через сознание. Тем не менее представляется целесообразным выделить социально-психологические и личностно-психологические факторы, видное место среди которых занимают ценностные ориентации и установки на рождение детей. В ходе развития общества и личности деторождение стало соизмеряться с удовлетворением других материальных и духовных потребностей и запросов. Наблюдаемый в настоящее время среди большинства населения нашей страны переход к малодетной семье, несомненно, связан с личностно-психологической реакцией на то, что материальные и духовные потребности и запросы растут быстрее, чем возможность их удовлетворения. Имеются, наконец, и биологические факторы рождаемости, существование которых подтверждено здесь биологами, называвшими физиологически оптимальное для нормального развития женского организма число детей.

В рамках короткого выступления невозможно показать влияние на рождаемость всех этих разнообразных факторов — от экономических до биологических. Хочется подчеркнуть лишь, что большинство этих факторов не только действует на рождаемость, но и испытывает ее обратное влияние, а также находится во взаимодействии друг с другом. Изучение такой сложной системы выходит далеко за рамки экономической науки, поэтому представляется целесообразным относиться к демографии как к особой общественной науке со всеми вытекающими отсюда организационными последствиями.

Л.Е. Дарский (кандидат экономических наук, Отдел демографии Научно-исследовательского института ЦСУ СССР). Мотивы и механизмы демографического поведения.

В порядке продолжения возникшей за нашим Круглым столом дискуссии я хочу сделать три замечания, которые мне кажутся важными.

Первое. Сейчас мы достаточно четко можем сказать, что обратная связь рождаемости и социального статуса — это очень краткий период в демографической истории человечества, свойственный определенному моменту развития. По большей части в истории имело место обратное соотношение: прямая связь социального статуса и уровня репродукции⁸.

Период, который мы сейчас переживаем и который, по-видимому, в ближайшее время закончится (я имею в виду развитые страны), действительно характеризуется обратной связью между уровнем репродукции и социальным статусом. Причина этого в том, что это период «демографической революции», и он как раз характерен тем, что наиболее обеспеченные слои раньше начинают менять свое репродуктивное поведение и раньше снижают рождаемость, чем другие слои. Последними в этот процесс втягиваются крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Но мы видим уже сейчас, что в таких странах, как США, ФРГ и др., все ближе становится уровень репродукции различных социальных слоев. Причем сейчас наиболее обеспеченные слои уже остановились в своем росте, и примерно на протяжении последних 20 лет снижается уровень репродукции в наименее привилегированных слоях.

Второе замечание касается разрушения изолятов и связанных с этим процессов. Мы недооцениваем эти процессы. Еще не так давно все общество было разгорожено на узкие клеточки, что связано с расовыми, этническими, социальными, географическими барьерами. Узость эта была настолько велика, что почти детерминировала брачный выбор, и то, что происходит сейчас, разрушение всех этих барьеров — это колоссальный прогресс, который не мог не дать серьезных последствий.

И третье замечание — по вопросу о «демографическом взрыве». Мы имеем очень интересную модель: это наши среднеазиатские республики, где социальный прогресс идет с колоссальной скоростью по сравнению со странами «третьего мира», а репродуктивное поведение в течение длительного времени сохраняется традиционным, и только сейчас стали заметны первые сдвиги.

Эта модель может нам показать наиболее быстрый вариант развития для стран третьего мира, а, по-видимому, «демографический взрыв» в Средней Азии может прекратиться лишь к концу века. Надо взять весь период, от начала, когда эти народы были

⁸ Следует говорить не об уровне рождаемости, а именно об уровне репродукции, то есть учитывать не только рождаемость, но и смертность. На протяжении большей части человеческой истории в высших социальных группах детская смертность была несколько ниже, даже в условиях ее общего очень высокого уровня. Что касается рождаемости, то она тоже, по-видимому, во многих случаях была выше в привилегированных группах населения (следует учитывать такие факторы, как полигамия, лучшее состояние здоровья и т. п.). В результате этого среднее число детей, доживавших до взрослого состояния, в привилегированных группах было больше.

вырваны революцией из феодальной отсталости, до настоящего времени, проанализировать происходившее там социальное развитие и представить себе масштаб — 70-80 лет, которые потребуются для того, чтобы завершился весь процесс «демографического взрыва». При этом надо учитывать, что это одна из благоприятных моделей, по которой можно судить о потенциальной скорости данного процесса в странах «третьего мира». Именно исходя из этого я не могу согласиться с тем, что «демографический взрыв» в странах «третьего мира» может прекратиться к концу века.

Основная наша беда в отношении демографических и смежных с ними проблем связана с тем, что мы их рассматриваем на количественном уровне, подчас не задумываясь о сущности качественных сдвигов, которые сейчас происходят.

Сравните репродуктивное поведение до «демографической революции» и загляните на пятьдесят лет вперед, потому что эта революция не закончилась. Качественные сдвиги продолжают происходить. Лет 250 тому назад все было чрезвычайно просто. Существовал институт семьи, выполнявший свои очень определенные функции. Все взаимоотношения в семье строились на ролевом принципе: существовали роли хозяина, хозяйки, домочадцев, все функции были четко регламентированы. Семья была универсальным социальным институтом, идеально приспособленным к выполнению множества разнообразных функций.

Постепенно ее функции меняются, часть функций передается обществу, его специализированным институтам, семья утрачивает значительную часть экономических функций, часть функций по социализации молодого поколения. По-видимому, в современном обществе и тем более в обществе будущего семья не в силах дать необходимое воспитание, и именно поэтому уже сейчас происходит изменение функций семьи. Более того, в самой семье происходит изменение взаимоотношений ее членов, четко выраженные роли исчезают, распределение прав и обязанностей в семье становится добровольным и т. д. Все это очень тесно связано с репродуктивной функцией семьи. Еще несколько сот лет назад число детей определялось сочетанием рождаемости и смертности, которые выступали в отношении семьи как явления случайные и внешние. Семья стремилась реализовать максимальное число рождений, надеясь, что «бог даст — дети выживут». Сейчас все изменилось: и смертность и рождаемость поставлены под контроль, и контроль этот настолько эффективен, что потеря ребенка в развитой стране — это редкое явление. В результате создается положение, когда социальные нормы не только разрешают выбор числа детей, которое люди желают родить, но и предписывают каждому делать этот выбор.

В настоящее время мы стоим перед фундаментальной проблемой: необходимо понять, на базе чего происходит этот выбор, что на него влияет, как он происходит, какие, собственно говоря, функции семьи этого требуют? Нельзя, в конце концов, всерьез в сегодняшней ситуации принять позицию, что люди рожают детей, выполняя свой долг перед человечеством, перед родом, перед нацией. Если этот мотив сегодня и существует, то он занимает далеко не первое место. Те представления о мотивах, которые мы получаем на базе эмпирических исследований, не могут нам помочь, и мы ничего не знаем о том, какие именно потребности удовлетворяют люди, рождая детей.

В.И. Переведенцев говорил, что обществу сейчас дети нужнее, чем семье. Возможно, что это и так, но рождаются-то дети в семье, и мы не можем сказать, какие социальные потребности удовлетворяются с помощью детей. Теория потребностей еще недостаточно разработана, и мы не можем пока заимствовать из нее необходимых нам понятий.

Сейчас имеет место частый распад семей. Столетиями длительность совместной жизни супругов не менялась. Потом в результате снижения смертности длительность совместной жизни сильно выросла. Однако она выросла меньше, чем могла бы, если бы закономерности брачности оставались прежними. Сначала рост длительности совместной жизни сокращался из-за того, что повышался возраст вступления в брак, потом из-за разводов. Сейчас существенные сдвиги в уровне смертности прекратились, возраст вступления в брак несколько снизился, а рост числа разводов продолжается. В результате всех этих сдвигов средняя длительность совместной жизни супругов сейчас примерно такая же, как и 100—150 лет назад.

Почему это происходит — мы не знаем: то ли существует действительно какой-то гомеостатический механизм, поддерживающий длительность брака на некотором постоянном уровне, то ли это случайность, а продолжающийся рост разводов свидетельствует о качественных сдвигах в институте брака, который из постоянного союза превращается во временный, или о неудовлетворенности самим институтом брака.

Все эти проблемы фундаментальны для демографии, но, к сожалению, специалисты расплывлены по разным учреждениям и заняты в большинстве случаев прикладными вопросами. Они не имеют возможности работать над фундаментальными проблемами, а отставание в решении этих проблем тормозит дальнейшее развитие науки. У демографов нет не только самостоятельного академического института, но ни в одном из существующих академических институтов нет научного коллектива, занятого демографией как таковой. Мы сталкиваемся с нерешенностью демографических проблем, когда разрабатываем прогнозы динамики населения. Мы не знаем, что произойдет через 20 лет, когда те или иные формы предупреждения беременности будут распространены и прочно войдут в быт людей, станут естественной нормой сознания и поведения. Сейчас мы можем предположить, что значительная часть детей — это дети от нежелательных беременностей. Что касается самого числа нежелательных беременностей, то оно огромно. Когда будет осознана необходимость контроля над этим явлением и когда он войдет в жизнь так, как сегодня вошел телефон, поведение людей будет иным, аборт станет историческим понятием.

Этот новый, складывающийся на наших глазах тип репродуктивного поведения, пока совершенно не изучен. Поэтому нет оснований предполагать, что его механизм обладает гомеостатичностью и будет поддерживать рождаемость на некотором определенном уровне. Ни для оптимизма, ни для пессимизма нет оснований. Есть много вопросов, остающихся пока без ответа.

И.Л. Андреев (доктор философских наук, зав. кафедрой философии Владимирского педагогического института им. П.И. Лебедева-Полянского). Некоторые демографические аспекты теории исторического процесса.

Исторический материализм изучает население как важнейший компонент социально-

экономических систем и субъект общественного развития. Однако в соответствии с устоявшейся традицией предметом демографического анализа служат главным образом количественные, а не качественные характеристики населения. Демографические процессы нередко трактуются односторонне, что методологически объясняется абсолютизацией, разрывом различных сторон, тенденций изменения населения как социально-биологического феномена. При этом население, по существу, рассматривается как нечто внешнее по отношению к социальным процессам. В соответствии с такой трактовкой люди оказываются своего рода «пассажирами» истории либо вообще составляют наряду с географической средой всего лишь одно из естественных условий жизни общества.

При исследовании населения как важнейшего компонента социальных систем методологически правомерно выделение его противоречивых аспектов с целью анализа конкретно-исторических механизмов их объективной взаимосвязи. Население в рамках демографического анализа рассматривается прежде всего как субъект производства, в качестве человеческого фактора производительных сил, а также в качестве субъекта потребления.

Развитие производства обуславливает изменение требований, объективно предъявляемых его участникам, что, в свою очередь, ведет к изменению социальных условий воспроизводства населения, степени и форм включенности различных его групп в различные виды деятельности, режима труда и отдыха, словом, к постепенному изменению всего демографического ритма общественной жизни.

Другая сторона демографического аспекта общественной жизни заключена в необходимости обеспечения биологической жизнедеятельности и воспроизводства населения. Лежащие в основе сохранения и функционирования человечества как биологического вида условия (питание, соблюдение определенного температурного режима, защита от опасных воздействий природы и техносферы, половые связи, некоторые аспекты заботы о потомстве и т. п.) не теряют своего биологического характера из-за того, что они подвержены действию специфических общественных закономерностей. Характер пищи и способ ее потребления дикарем существенно отличаются от акта питания современного человека. Но в основе его лежит та же самая биологическая функция, которая присуща и животным. Критическая демографическая ситуация в таком аспекте чаще всего проявляется как следствие дефицита средств обеспечения жизнедеятельности и социального развития (продуктов питания, одежды, жилищ, медицинского и культурного обслуживания и т. п.) по отношению к реальным и потенциальным потребителям.

Важно отметить связь данных аспектов демографической проблематики с некоторыми моментами современной идеологической борьбы, с задачами критики буржуазных и мелкобуржуазно-утопических концепций. Так, абсолютизация роли населения как субъекта потребления близка по духу не только к неомальтузианским взглядам, но и к концепции «потребительского общества». Рассуждения о том, что научно-техническая революция якобы ведет к девальвации роли населения как субъекта производства, идут вразрез с материалистическим пониманием исторического процесса как деятельности людей, в основе которой лежит целенаправленное преобразование природы и самих себя.

Другая крайность — абсолютизация роли населения как субъекта производства — логически ведет к концепции, согласно которой население — лишь производительная сила, материальные и духовные потребности которой могут и должны удовлетворяться на минимальном прожиточном уровне. Такая концепция, естественно, не имеет ничего общего с задачей наиболее полного удовлетворения разумных материальных и духовных потребностей всех членов общества как важнейшего условия его дальнейшего гармоничного развития.

Вместе с тем было бы явным упрощением свести социологическое рассмотрение населения только к констатации противоположности этих его «ролей». Люди не являются ни механическими производителями, ни безликими потребителями. Процессы производства и потребления объективно взаимосвязаны. А эта связь, в свою очередь, выступает в двояком виде. Во-первых, независимое от воли и сознания людей действие социальных законов, затрагивающее сферу производства и потребления, тем самым изменяет структуру населения. Во-вторых, исторически конкретная зависимость потребления от производства отражается в сознании и целенаправленной деятельности людей, в том числе в демографическом поведении.

Изложенное выше позволяет сделать несколько уточнений относительно определения понятия «население». Население — это совокупность людей, расселенных на определенной территории и участвующих в процессах производства и потребления, осуществляемых на ней. Помимо экономически активного в каждый данный момент населения, это понятие охватывает стариков и инвалидов, детей, подростков и обучающихся как потенциальных работников; людей, ищущих работу (от меняющих место работы до безработных); домохозяйек, которые косвенно участвуют в общественном производстве, обслуживая работников и воспитывая детей, а также — в условиях антагонистических общественных формаций — паразитические социальные слои и элементы, поскольку они потребляют, не участвуя, как правило, в процессе производства.

Соотношение различных категорий населения, доля производительного населения, темпы смены поколений, стабильность баланса трудовых ресурсов и т. п. существенно влияют на структуру и функционирование совокупного производителя и потребителя материальных и духовных благ, каковым является население той или иной территории.

Будучи социально-биологическим компонентом общественных систем, население теснейшим образом связано с природой как средой своей жизнедеятельности и объектом труда. Взаимозависимость демографических и экологических процессов реализуется главным образом через сферу производства. Каждый вид производственной деятельности, осуществляемый в специфических природных условиях, предполагает специфический диапазон колебаний производящего и потребляющего населения. Но каждый вид хозяйственной деятельности (отвлекаясь от социальных условий) имеет также верхний предел плотности населения, выступающего в данном случае в качестве субъекта потребления. Подсчитано, что кочевое скотоводство было в 20—30 раз продуктивнее собирательства, а земледелие уже в древности позволяло прокормить на той же территории в 20—30 раз большее население, чем скотоводство. Таков демографический потенциал процесса становления производства, открывшего возможность складывания новых форм

расселения людей, смены временных поселений и кочевий «деревенской» (Д. Рибейро) и «городской» (Г. Чайлд) революциями, что явилось важным демографическим условием процессов общественного разделения труда и социально-имущественной дифференциации.

Представляется целесообразным изучение различных типов демографической регуляции в докапиталистическую эпоху, в частности, осуществляемой религиозными нормами и учреждениями. К примеру, монастыри были первоначально своеобразными хранилищами продовольствия на случай стихийного бедствия, то есть выполняли функции поддержания демографического потенциала. Вместе с тем целибат (безбрачие) монахов объективно являлся фактором, ограничивающим рождаемость и численность населения. В маленькой Монголии полвека назад было 100 тысяч лам — 45 процентов взрослых мужчин. Как отметил Ю. Цеденбал, если бы не вековая традиция ламства, население страны в настоящее время превышало бы 10 миллионов человек, было бы почти в 8 раз больше, чем теперь.

Любопытно, что в долго и упорно обсуждаемой проблеме «азиатского способа производства» практически выпал демографический аспект. Восточные общины веками воспроизводили традиционные механизмы организации производства и самообеспечения населения. Демографические процессы в этих условиях еще не отделились от производства и потребления. Их относительная самостоятельность была, видимо, минимальной, а потому демографическая ситуация «регулировалась» стихийно: природными катаклизмами (включая эпидемии) и внешними социальными факторами (особенно войнами). Простота демографической регуляции и нерасчлененность структуры производства и потребления с родственно-общинными связями обеспечивали чрезвычайную устойчивость автаркических общин в неустойчивой внешней среде.

До сих пор речь шла о прошлом. Но и в современном «третьем мире» диалектическая связь демографических и социальных процессов прослеживается весьма отчетливо. По данным ФАО, даже в наши дни темпы ежегодного увеличения производства продуктов питания примерно в 2,5 раза ниже, чем темпы прироста населения. Противоречивое единство выделенных выше аспектов населения (как субъекта производства и субъекта потребления) выступает здесь особенно рельефно.

Колоссальное аграрное перенаселение, явная и скрытая (мельчайший бизнес) безработица в городах объективно препятствуют внедрению современных средств производства, ведущей тенденцией которого является снижение доли живого труда, особенно малоквалифицированного. К тому же оснащение ими одного рабочего места обходится очень дорого, в 200—300 раз дороже, чем «промежуточной техникой», не отвечающей современному уровню, но все же многократно превышающей эффективность традиционных орудий труда.

Далее, оснащение производства современной техникой требует иного, чем сегодня, качества населения как участника трудовых процессов. Я имею в виду не только уровень образования, наличие профессии, производственную квалификацию, но и целый ряд социально-психологических факторов: дисциплинированность, чувство времени, преодоление в массовом сознании неприязни к использованию современной техники как

нетрадиционному виду деятельности, отличному от того, что «завещали предки», и вместе с тем нередко отождествляемому с колониально-капиталистическими отношениями.

Отказ же от применения достижений научно-технической революции, отсутствие необходимых социальных условий для их внедрения в производство ведут к сохранению того драматического положения, когда десятки и сотни миллионов людей живут на грани нищеты. Положение усугубляется непродуманным потреблением паразитических слоев, а также тем, что демонстрационный эффект современных стандартов потребления подтачивает традиционные формы его ограничения. Запросы в этих условиях могут значительно отрываться от возможностей, вытекающих из наличного уровня развития производства и населения как его субъекта.

Наконец, в «третьем мире» демографические процессы вполне отчетливо выступают как фактор сохранения и воспроизводства исторически сложившейся социально-классовой структуры. Именно в функционировании традиционных механизмов демографической регуляции одна из причин того, что, несмотря на энергичный отток деревенского населения в города, численность крестьянства в развивающихся странах возросла за 20 лет на 0,5 миллиарда человек. Учитывая, что в современных видах производства относительно невелика доля живого труда, а также то обстоятельство, что складывание и усвоение новых форм демографической регуляции происходят в течение жизни по крайней мере двух-трех поколений, можно с уверенностью предположить, что к началу XXI века «третий мир» останется преимущественно крестьянским по своему социальному составу.

Дело в том, что традиционные механизмы демографической регуляции «вплавлены» в ткань вековых народных обычаев, сохранившихся в недрах патриархально-общинных структур. А потому изменение первых самым непосредственным образом связано с коренным преобразованием всего уклада общественной жизни освободившихся стран с учетом «запаздывания» их демографического эффекта. Преобразование же общинных структур и традиций, особенно в области семейных отношений, предполагает постепенность и наличие целого ряда мер переходного характера. Например, в Республике Мали, где рождаемость, пожалуй, самая высокая в мире, Кодекс законов о браке и опеке 1962 года ввел довольно робкие ограничения полигамии мужчин.

Относительная самостоятельность демографического сознания и демографического поведения наиболее отчетливо конституируется и дольше всего сохраняется в традициях общинного типа. Косвенно это подтверждается, например, тем фактом, что в республиках Средней Азии, где бытовые элементы прежних общинных традиций сохранились в наибольшей по сравнению с другими республиками степени, темпы прироста населения, несмотря на ускоренное развитие современной промышленности, существенно превышают показатели большинства других районов страны. Очевидно, интегративным фактором демографического поведения, отражающим конкретно-исторические формы производства и потребления, социального устройства и бытовых традиций, является культура, и изменение способов демографической регуляции невозможно вне изменения типов культур.

Важным моментом методологического анализа связи демографических и социальных процессов является исследование основных исторических типов

воспроизводства населения, а также средств демографического регулирования и контроля, свойственных каждому из них. До сих пор, например, законы народонаселения докапиталистических формаций формулируются в значительной мере произвольно, в несопоставимых параметрах. Логично было бы связать эти законы с крупнейшими сдвигами в развитии производительных сил человечества.

Кроме того, необходим анализ связи конкретно-исторических законов народонаселения со способом производства. Эта связь обладает известной степенью гибкости и динамичности. Ее исследование как в формационном, так и в ситуативном аспектах предполагает выявление и типологию некоторых количественно-качественных и пространственно-временных характеристик населения. Под первыми понимается прежде всего его численность и продолжительность жизни, а также уровень социализации, степень производственной активности, стандарты потребления. Вторые призваны зафиксировать миграции, типы расселения и поселений, а также характер и темпы воспроизводства населения.

Проблема формулирования четких, сопоставимых законов народонаселения различных формаций представляется назревшей задачей и теоретической демографии, и исторического материализма.

М.М. Бабаев (кандидат юридических наук. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности). Демография и право.

Когда мы говорим о демографических проблемах в обществе, то имеем в виду, с одной стороны, всю гамму влияний, которые оказывают демографические процессы на самые разнообразные стороны жизни людей, а с другой — обратное воздействие социальных явлений на демографическую ситуацию и демографическую политику.

Общепризнано, что праву принадлежит важное место в ряду факторов, регулирующих демографические процессы. Принципы и идеи демографической политики должны разрабатываться и разрабатываются прежде всего демографами, экономистами, экономгеографами, социологами. Но осуществляться эти принципы и идеи не могут без помощи юристов, ибо демографическая политика реализуется, проводится в жизнь при обязательном содействии права, комплекса законодательных актов, которые в данном случае служат инструментами этой политики.

В этой связи хочется подчеркнуть, что обилие точек зрения и существенно различный подход демографов к решению одних и тех же проблем ставит законодателя в крайне затруднительное положение. Разработка согласованных теоретических позиций и концептуальных схем необходима для того, чтобы повысить эффективность правовых институтов, обеспечивающих реализацию демографической политики в стране. Будучи всего лишь одним из многих рычагов, воздействующих на демографические процессы, право, естественно, функционирует наиболее эффективно, когда оно входит составной частью в комплекс стимулов (моральных, материальных, организационных и т. д.), содействующих желательным или, наоборот, препятствующих нежелательным демографическим тенденциям. Забвение этого положения на практике приводит к попыткам решать сложнейшие проблемы демографической политики только лишь путем издания отдельных правовых актов, которые к тому же подчас плохо согласуются, а то и

просто противоречат сложившейся экономической и социально-психологической ситуации.

Однако воздействием правовых институтов на демографические явления и процессы не исчерпывается характеристика связи демографии и права. Связь эта глубже и многостороннее, и чтобы показать иные формы ее проявления, пожалуй, лучше всего обратиться к анализу взаимоотношений демографии и криминологии. Тем более что речь идет как раз о той правовой дисциплине, которую далеко не все демографы и экономисты признают смежной. Напомним, что криминология— это наука о преступности, ее состоянии, динамике и структуре, наука, изучающая причины преступности и разрабатывающая меры, направленные на ее сокращение и предупреждение.

В последние годы интерес криминологов к познанию демографических проблем заметно вырос. И это понятно: только опираясь на надежный фундамент демографической статистики, криминологи получают возможность исчислять действительные индексы преступности, определять в сопоставимых показателях распространенность и структуру этого явления в той или иной местности и, следовательно, осуществлять столь необходимый региональный и ретроспективный анализы преступности, прогнозировать ее уровень и характер в будущем. Но это только одна сторона дела. Есть и другие аспекты связи демографических процессов и проблем, изучаемых криминологией.

Дело в том, что демографическая ситуация есть часть и вместе с тем предпосылка и условие (конечно, в ряду других) криминогенной ситуации. Иными словами, при прочих равных условиях уровень и структура преступности в известной степени зависят от возрастно-половой структуры и плотности населения, распределения населения на городское и сельское, постоянное и мигрирующее и т. п. Скажем, снижение детской смертности ведет к увеличению абсолютной численности молодежи, а это рождает огромный и сложный комплекс проблем ее воспитания, предотвращения случаев антиобщественного поведения со стороны некоторых представителей наиболее активной и наиболее нуждающейся в контроле общества части населения.

Криминологические исследования указывают на связь семейного состояния граждан и антиобщественного поведения (в частности, среди преступников доля холостых лиц значительно выше, чем их доля в населении в целом).

Внимание криминологов в последнее время привлечено к таким крупным социально-демографическим процессам, как рост городов, повышение численности и удельного веса городских жителей в населении страны, миграция населения. Известно, что эти процессы порождают немало самых различных весьма сложных проблем: экономических, градостроительных, транспортных и многих других. К сожалению, до последнего времени считалось, что в их число не входят проблемы криминологические. Однако криминологические исследования процессов урбанизации и миграции населения надо рассматривать как чрезвычайно актуальные как в теоретическом, так и в практическом отношении. Достаточно сказать, что уровень преступности в городской местности в среднем значительно выше уровня преступности в сельской местности. Преступность мигрантов в некоторых районах в 3—4 раза выше преступности постоянных жителей. На наш взгляд, есть полное основание утверждать, что между показателями,

характеризующими динамику удельного веса городского населения, и показателями преступности существует достаточно устойчивая связь. Исследования подтвердили, что при прочих равных условиях города, существенно различающиеся по величине и хозяйственным функциям, заметно отличаются и по уровню преступности. Хотя, конечно, какой-либо жесткой, однозначной зависимости здесь нет.

Итак, проблема «демография и общество» имеет свой очевидный криминологический аспект, и вряд ли требуется доказывать, что пренебрегать им при комплексном подходе к исследованию демографических процессов недопустимо.

Между тем можно привести множество примеров, которые показывают, что при планировании и осуществлении мероприятий, определяющих характер демографической политики в стране в целом и в отдельных регионах, возможность наступления криминогенных последствий чаще всего просто игнорируется.

В настоящее время сделаны лишь первые шаги в области изучения взаимодействия демографических и правовых явлений, связи демографии и права. Поскольку речь идет о действительно смежных дисциплинах, есть все основания утверждать, что с каждым годом число проблем, разрабатываемых совместно демографами и правоведами, станет увеличиваться на пользу обеим наукам. Это расширит в дальнейшем предпосылки для более действенного управления социальными процессами со стороны общества и государства, а именно здесь лежит наиболее важный и эффективный путь предотвращения нежелательных последствий этих процессов.

В.П. Эфроимсон (доктор биологических наук, Институт психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР). Социальное и биологическое в демографических процессах.

Начну с проблемы «демографического взрыва», который сегодня многих пугает. Нынешний глобальный «демографический взрыв», на мой взгляд, через несколько десятилетий кончится. Он является результатом тысячелетней экономически обусловленной и глубоко укоренившейся традиции, которая неизбежно обрывается с развитием цивилизации. В чем эта традиция заключается и откуда она идет?

Во всех аграрных странах, будь то Китай, Индонезия, Индия, страны Латинской Америки, девушки, выходя замуж, уходят в семью мужа, и на них ложится забота о родителях мужа. О своих родителях должны заботиться сыновья. Из-за всяких эпидемий, голодовок, войн и т. д. надо было обязательно иметь шесть-семь детей, чтобы сохранить хотя бы одного сына для поддержки в старости. И если сыновей не было, то к 35-летнему возрасту жены семья теряла статус, уважение, друзей, так как в этих стареющих бессыновних людях окружающие видели будущую обузу для общины. Поэтому традиция многодетности существует во всех отсталых странах с высокой детской и юношеской смертностью. Распространение цивилизации устранил и проблему высокой рождаемости и проблему «демографического взрыва». История цивилизации в таких странах древности, как Египет, Греция, Рим (по которым имеется демографическая статистика), показывает резкое снижение рождаемости, и нет ни одной цивилизованной страны в истории человечества и в настоящем, в которой это падение рождаемости не имело бы места. А для избежания «перенаселенности» существовало множество способов, помимо детоубийства

и аборт. Например, недалеко ушедшие от уровня каменного века индейцы Северной Бразилии умеют готовить навар из трав, который предохраняет от зачатия.

Вспомним еще одно обстоятельство: рабовладельцы имели обыкновение отпускать на свободу рабынь, родивших трех детей. За счет этих освобожденных женщин, за счет вольноотпущенников и их потомства поддерживалась численность населения в рабовладельческих странах. Но там, куда приходила цивилизация, сразу наступало резкое падение рождаемости. Достаточно иметь 2—3 детей, и забота о старости отпадает. Прививки, антибиотики, хорошая организация родовспоможения, распространение противозачаточных средств, охрана материнства и младенчества могут за 20—30 лет покончить с «демографическим взрывом».

Что до традиций, то римско-католическая церковь запрещает применение противозачаточных средств. Но известно, что в США католички, исправно посещающие исповеди, пользуются противозачаточными средствами не в меньшей мере, чем их соседки-протестантки. Родоплеменные традиции, вероятно, окажутся не более устойчивыми, чем римско-католические, и к концу века, возможно, надо будет беспокоиться не о том, что население достигло 6 миллиардов человек, а о том, как стимулировать рождаемость во всех ныне отсталых странах с огромным приростом населения.

«Демографический взрыв» порождается голодом, нищетой, и с возрастанием жизненного уровня он угаснет. Что касается резервов пищи, то они огромны, особенно если учитывать перспективы «зеленой революции», микробиологически-промышленного производства белка, лизина, использования планктона и т. д.

Здесь был поставлен вопрос о первенцах. По многим совершенно объективным показателям доля первенцев среди выдающихся людей непропорционально высока как в средние века, так и в новое и в новейшее время. Это достоверно, но биология и генетика здесь ни при чем. Первенцам родители уделяют больше внимания и средств, чем последующим детям. Именно лучшие условия развития в раннем возрасте порождают превосходство первенцев. И напротив, без семьи, без внимания матери, без ее заботы, ласки или же без эквивалента матери ребенок не может нормально развиваться. Существует даже особый синдром материнской депривации. Если ребенок находится вне эмоционального контакта с матерью или нет эквивалентной эмоциональной замены, он отстает в развитии; дело доходит до карликовости. Если нельзя ограничивать возможность участия женщины в общественном производстве, то следует подумать о создании яслей на 6—8—10 детишек, каждому из которых няня и воспитательница могут уделить достаточно много внимания.

Можно привести веские доводы в пользу необходимости учитывать генетические аспекты при осуществлении демографической политики, например, по вопросу о возрасте деторождения. Установлено, что самой частой причиной, слабоумия является болезнь Дауна. Она вызывается нерасхождением пары малых хромосом в организме матери, причем частота нерасхождения хромосом повышается с возрастом матери, и в среднем у сорокалетних женщин частота только такого нерасхождения составляет уже 1 процент. Выживаемость детей, страдающих болезнью Дауна, в связи с успехами медицины резко возросла, но рождение такого ребенка есть величайшее несчастье для всей семьи на многие десятилетия. Всякие методы ранней диагностики в общенародном масштабе пока что едва

ли осуществимы; для профилактики болезни Дауна было бы, видимо, целесообразно поощрять раннее деторождение, начиная с 20-летнего возраста женщин.

В.А. Геодакян (кандидат технических наук, Всесоюзное общество генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова). Демографические мероприятия должны опираться на строгую научную концепцию.

Я полностью согласен с тем, что проблемы демографии, которые привлекают все большее и большее внимание общественности, и в первую очередь ученых, очень важны. Тут даже звучали конкретные предложения о принятии специальных законов, но для этого нужна разумная демографическая политика, а разумная политика, естественно, должна основываться на научной концепции. Поэтому я думаю, что нужно наши усилия направить не на поиск возможных путей регуляции — это ещё рано, а на разработку разумной научной концепции. Очень характерны в этом отношении выступления В.А. Болдырева и В.И. Переведенцева, которые свидетельствуют об отсутствии единой точки зрения относительно того, что следует считать хорошим и что плохим, что является для нас идеалом, к чему нам нужно стремиться, чего мы хотим достичь в будущем.

Я хотел бы остановиться на следующих моментах. Когда говорят о «демографическом взрыве», то обычно экстраполируют нынешний рост населения на будущее и приходят к выводу, что в таком-то году на Земле нас будет больше, чем надо. В данный момент человечество на Земле находится на экспоненциальной стадии роста, поэтому экстраполяция приводит к бесконечности. Отсюда картина «демографического взрыва». О рискованности экстраполяции говорит следующий пример. Известно, что число 60 делится на единицу, на двойку, на тройку, на четверку, на пятерку, шестерку. Казалось бы, если экстраполировать дальше, то оно и на семерку должно делиться, но тем не менее не делится. Экстраполяция — это не интерполяция, и с ней надо быть очень осторожными.

Видимо, надо исходить из того, что наш земной шар изолирован и что заселение других планет в ближайшем будущем мало реально. В этой изолированной системе надо рассчитывать по различным параметрам. Ясно, например, что по энергии, получаемой от солнца, стационарные условия будут сохраняться долго, пока не остынет солнце, а по наличию таких элементов, как серебро или олово, очень скоро наступит время, когда запасы будут исчерпаны. Усилия должны быть направлены на то, чтобы найти оптимальную схему.

Очевидно, что человечество пока находится в экспоненциальной фазе, где действуют положительные обратные связи, но рано или поздно наступит фаза насыщения, которая регулируется отрицательными обратными связями, и численность человечества стабилизируется. Отсюда следует, что «демографического взрыва» как такового не будет.

Другой вопрос, что, может быть, не стоит ждать, пока наступит это естественное насыщение, а стоит вмешаться, добиться остановки роста населения искусственно, на более низком уровне численности, тем самым увеличив потенциальную длительность жизни человечества. А симптомы насыщения уже видны: в больших городах резко падает рождаемость у различных слоев населения. Это же отмечается и в ряде высокоразвитых стран в целом.

Мне хотелось бы остановиться и на вопросе об эволюции семьи. Для процессов эволюционного развития вообще характерно последовательное усиление взаимодействия между элементами системы. При этом отдельные элементы все больше и больше утрачивают свои степени свободы (программы), но одновременно появляются новые программы системы в целом как результат новой организации. Следовательно, утраченные степени свободы элементов можно рассматривать как «плату за новую организацию». Вероятно, для каждой системы существует некая оптимальная сила связи между элементами, при которой интегральная эффективность организации, учитывающая как программы элементов, так и программы системы в целом, максимальна. Если взаимодействие между элементами слабее оптимального, то интегральный эффект организации не достигает максимума из-за чрезмерной свободы элементов. Если же взаимодействие сильнее оптимального, то эффективность организации опять будет меньше максимума, но уже из-за чрезмерной утраты свободы элементов. Очень хорошо охарактеризовал такого рода ситуацию английский астроном Шепли, который заметил, что в современном обществе мы лишены многих свобод: не можем ходить без одежды, сорить, шуметь и т. д., но зато мы имеем водопровод.

Эволюция не подчиняется нашим желаниям, и ее нельзя повернуть вспять. Мы понимаем, что автомобиль приносит колоссальное количество жертв, но отказаться от него мы не можем. То же самое с эволюцией семьи. Эволюция идет, семья будет эволюционировать, как надо этой системе, и самое большее, что мы можем сделать, — это понять и предсказать эти изменения, подготовиться психологически и привыкнуть к ним.

Я хотел бы еще сказать два слова о хорошей традиции Круглых столов журнала «Вопросы философии». Мало где могут встретиться представители разных областей знания. В науке специализация зашла так далеко, что появляется опасность ситуации «Вавилонской башни». Поэтому я считаю, что собирать вместе специалистов разных областей знания для обсуждения той или другой проблемы — это очень полезная и перспективная форма.

В.И. Козлов. Не кажется ли вам, что вы преувеличиваете значение биологической регуляции? Если взять Южную Сибирь, где малая рождаемость, то там, видимо, достаточно будет и естественной регуляции. А, например, в Калькутте, где в комнатенке коммунальной квартиры живет семья, которая довольно быстро размножается, едва ли можно уповать на естественную регуляцию.

А.Г. Вишневский. Можно ли представить себе такую ситуацию, когда нарушается работа естественного механизма обратной связи? Вспомним, как быстро размножились кролики, завезенные в Австралию. Раньше работал механизм обратной связи. Сейчас благодаря усилиям людей он устранен, и обратная связь нарушена. Это нарушение обратной связи может привести к невозможности осуществления того, о чем вы говорили.

А.А. Геодакян. Я не говорил, что регуляция осуществляется только биологически. Я просто призываю к тому, что нужно видеть биологическую основу, что человек, будучи человеком, не перестает быть представителем животного царства. Но то, что социальные факторы — развитие цивилизации, техники и т. д. — накладывают решающий отпечаток, это совершенно очевидно.

О.Б. Осколкова (кандидат географических наук, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР). Проблемы народонаселения в интерпретации буржуазных исследователей.

Работы современных буржуазных авторов в области демографии демонстрируют в целом довольно пестрый и сложный конгломерат взглядов, концепций, суждений по социально-философским и социально-экономическим аспектам народонаселения. Критический анализ этих работ представляет определенный познавательный интерес. Методика изучения отдельных вопросов и анализа конкретных данных может иметь научное и практическое значение. Ряд исследований свидетельствует о том, что многие ученые на Западе обеспокоены хищническим использованием природных ресурсов в интересах частного предпринимательства, недоеданием и голодом в ряде районов мира, обострением социально-экономических противоречий, усилившимся загрязнением окружающей среды в развитых капиталистических странах. Вместе с тем большинство работ показывает неспособность современной буржуазной науки вскрыть действительные причины возникающих демографических проблем, а тем более найти пути их решения.

Большинство современных буржуазных ученых в той или иной степени разделяет концепцию неомальтузианства; вместе с тем среди них практически нет представителей откровенного демографического детерминизма, считающих демографические процессы основополагающими и решающими факторами развития общества. Значительная часть авторов (П. Эрлих, Д. Медоуз, Ж. Пажес, Р. Шинн, Э. Бачелет, Л. Дэн, С. Джонсон, С. Моч) безоговорочно считает, что в настоящее время, когда земной шар уже перенаселен, ожидаемый дальнейший значительный рост населения приведет к увеличению недостатка продовольствия, истощению природных ресурсов и нарастающему загрязнению природной среды, угрожающему нарушить экологическое равновесие. Сможет ли человек установить контроль над рождаемостью или нет — от этого во многом зависят дальнейшие судьбы мира. По утверждению Л. Дзя, человечество стоит перед выбором: либо огромное по численности население будет иметь низкий уровень жизни, либо меньшее по численности — высокий. В связи с этим ставится вопрос о том, что уже сейчас в масштабах планеты необходим «нулевой прирост», то есть стабилизация численности населения (некоторые из авторов предлагают даже после достижения «нулевого прироста» принять меры к абсолютному сокращению численности земель).

Наибольшую тревогу высказывают последователи так называемой биологической школы, видными представителями которой являются супруги Пол и Анна Эрлих из Стэнфордского университета (США)⁹. Они заявляют, что рост населения угрожает разрушить жизнь на нашей планете, что при отсутствии контроля над ростом населения развивающиеся страны никогда не преодолют свою отсталость, а в развитых странах перенаселенность будет снижать «качество жизни» в связи с загрязнением окружающей среды.

По мнению большой группы исследователей во главе с профессором Массачусетского технологического института Д. Медоузом, авторов книги «Пределы

⁹ P.R. Ehrlich, A.N. Ehrlich. Population. Resources. Environment. Issues in Human Ecology. Stanford University. W. H. Freeman and Co. San Francisco, 1970.

роста»¹⁰, научно-технический прогресс не в состоянии решить проблем, порожденных высокими темпами роста населения. В качестве мер по спасению человечества эти авторы предлагают проведение в ближайшем будущем политики, предусматривающей прекращение роста населения и материального производства. Однако многие исследователи сомневаются в способности человечества серьезно оценить надвигающуюся катастрофу и принять своевременные меры. По подсчетам авторов книги «Пределы роста», если стабилизационные мероприятия будут отложены до 2000 года, то достигнуть равновесия в системе «население—производство» и избежать катастрофы станет невозможным.

Другая группа авторов выражает надежду, что рождаемость все же сократится. Доктор С. Моч из Массачусетского технологического института считает, что стабилизация населения так или иначе произойдет, и это может быть достигнуто если не в результате сознательной человеческой деятельности, то под давлением сил природы. В последнем случае человечество ожидает возрастание степени загрязнения окружающей среды и через одно-два поколения неизбежное увеличение смертности. Это приведет либо к сокращению объема производства и, следовательно, загрязнения, либо — при дальнейшем росте смертности — к установлению самой природой некоторого равновесия между регенерационной способностью Земли и общим объемом потребления. С. Моч предлагает государственным органам планировать не рост экономики на ближайшие 15 лет, а «трудный переход от роста к стабилизации», с тем чтобы он произошел «без тяжелых социальных и человеческих кризисов»¹¹.

Ряд буржуазных авторов (Шинн, Дэй, Пажес, Джонсон и другие¹²), не разделяющих той точки зрения, что проблема решится сама собой, значительную часть своих работ посвящают анализу методов контроля над рождаемостью, демографической политики государства. В связи с необходимостью изучения демографических процессов и разработки государственной политики народонаселения они уделяют большое внимание определению факторов, влияющих на рождаемость. При перечислении детерминант рождаемости у зарубежных демографов заметно относительное единство взглядов; разногласия возникают главным образом при определении степени влияния отдельных факторов, которые еще мало изучены и, конечно, не однозначны для различных стран.

Большинство современных исследователей, опираясь на анализ обширных данных переписей населения и выборочных обследований по ряду стран, признает в качестве детерминант воспроизводства населения совокупность факторов, характеризующих социально-экономическую структуру.

Детально исследуя конкретные детерминанты рождаемости, американские социологи и демографы Дж. Касарда, Г. Кейн и А. Вейнингер, французский социолог

¹⁰ D. Meadows et al. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's. Project on the Predicament of Mankind. N. Y., 1972

¹¹ S. Mauch. Gefahren und Probleme einer stetig wachsenden Weltbevölkerung. «Universitas». Stuttgart, 1972, Jg, 27, Hf. 7, SS. 725—732.

¹² S. Johnson. A Population Policy for Britain. London, 1972, p. 15; J. Pages. Le contrôle des naissances en France et à l'étranger. Thèse... Paris, Libr. générale de droit et de jurisprudence (Pichon et Durand-Auziss), 1971; R. Shinn, L. Day. Population and Dignity of Man. In: «Dimensions of Environmental Crisis». N. Y., 1971.

Ж. Кало приходят к выводу, что определяющую роль играет степень индустриализации и урбанизации, экономической активности женщин, развития системы образования, распределение доходов¹³.

Ряд демографов (Ж. Кало, Н. Федеричи и др.¹⁴) подчеркивает, что факторы, влияющие на динамику населения (социально-экономические, биологические, экологические), очень сложны, субъективные мотивы ограничения семьи, взаимосвязи между демографическими и другими процессами мало изучены, поэтому есть все основания сомневаться в успехе государственного регулирования рождаемости. В подтверждение своих сомнений Кало указывает на падение рождаемости во всех странах Западной Европы начиная с 1965 года при наличии больших различий в экономической конъюнктуре, семейном законодательстве и контрацептивных средствах.

Основная причина сокращения рождаемости в развитых капиталистических странах заключается, по мнению некоторых авторов, не в широком распространении противозачаточных средств, а в изменении психологии людей, в том, что инстинкт продолжения рода отступил ныне на второй план, а на первый план выдвигается стремление к экономическому успеху и социальному престижу, к всестороннему развитию собственной личности¹⁵.

В ряде демографических исследований последних лет (Р. Шинна, Ж. Пажес, С. Джонсона) выдвигается тезис, что вопреки сложившемуся мнению перед высокоразвитыми странами проблема сокращения рождаемости стоит сегодня не менее, если не более остро, нежели перед развивающимися. Подчеркивается, что если в развивающихся странах рост населения обостряет продовольственную проблему, то в развитых странах под угрозой находится вся природная среда (ярким примером этому служат США). Джонсон считает, что срочные меры должны быть приняты прежде всего в развитых странах, поскольку именно они «используют львиную долю природных ресурсов и наносят наибольший ущерб хрупкой биосфере». США, например, где проживает около 6% мирового населения, потребляют около 40% мирового производства сырья, поэтому, по мнению Джонсона, поддерживать дальнейший рост населения США — значит проявлять экономическую близорукость, отказаться от учета реальных экономических и политических условий, существующих в современном мире.

Среди многочисленных сторонников стабилизации и даже сокращения населения не только в развивающихся, но и в развитых странах лишь сравнительно немногие представители буржуазной науки встревожены тенденцией падения рождаемости в развитых капиталистических странах. Среди них французские демографы Ж. Буржуа-

¹³ J.D. Kasarda. Economic Structure and Fertility: a Comparative Analysis. «Demography». 1971, vol. 8, № 3, pp. 307—317; G. Cain, A. Weininger. Economic Determinants of Fertility. Results from Cross-sectional Aggregate Data. «Demography», 1973, vol. 10, № 2, pp. 205—221.

¹⁴ G. Calot. Lueurs et ténèbres sur la fécondité. «Monde diplomatique». Paris, 1973, № 236, pp. 18—19; N. Federici. A Demographic Model for Europe. In: «The Future is to-Morrow», 17 prospective studies. Hague, 1972, pp. 127—183.

¹⁵ H. Heuk-Stilling. Stirbt das deutsche Volk? Ursachen und Folgen des Geburtenrückgangs. «Nation Europa», Coburg, 1972. Jg. 22, Hf. 12, SS. 5—9; K. Franke. Ist Kinderkriegen unanständig? Ibid., SS. 10—12; H. Schade. Gründe und Folgen des Geburtenrückganges. Ibid. SS. 13—15.

Пиша, А. Сови, Ж. Кало, западногерманский демограф Г. Хойк-Штилинг и другие. Так, Буржуа-Пиша подчеркивает, что Западная Европа и Северная Америка находятся на пути к демографическому упадку. Он предсказывает, что в недалеком будущем среднее количество детей на одну женщину уменьшится до 1 - 1,5 и что в долгосрочной перспективе через каждые 25-30 лет население этих регионов будет сокращаться на 50%¹⁶.

Свое беспокойство по поводу падения рождаемости А. Сови выражает в основном в отношении Франции. По его мнению, страх перед безработицей в связи с ростом населения Франции является необоснованным, поскольку «в индустриальной стране нет предела количеству рабочей силы при условии, конечно, что для этого делаются необходимые инвестиции». Сови подчеркивает, что «единственной всегда выигрышной ставкой является ставка на молодежь», которая необходима для роста экономики, для «крупносерийного производства».

Вместе с тем в статье, посвященной мировым проблемам народонаселения¹⁷, Сови признает, что современному человечеству угрожает тройная опасность: быстрый рост населения, прогрессирующее истощение минеральных богатств, загрязнение природной среды. Он призывает к изучению каждой из этих опасностей и выражает надежду на дальнейшие возможности расширения продовольственной базы человечества, выявление новых запасов минерального сырья, источников энергии и методов их использования, предлагает меры по сохранению и защите окружающей среды. Признавая наличие проблем загрязнения окружающей среды, Сови считает, что это «феномен небрежности, а не перенаселения».

К числу ученых, которые переходят на марксистские позиции в оценке и анализе демографических проблем, следует отнести, в частности, американского исследователя Пэвитта, французского ученого Лабейри и западногерманского демографа С. Вайсмана¹⁸.

Пэвитт и Лабейри, выступая в своих статьях с критикой книги «Пределы роста», работы Форрестера «Мировая динамика» и др.¹⁹, расценивают подход этих авторов к проблеме населения как возрождение мальтузианских идей и считают, что «катастрофа» в общественно-экономическом развитии обуславливается социальными причинами и может быть устранена лишь с помощью социальных мер.

Главная методологическая ошибка неомальтузианских теорий заключается, по мнению Лабейри, в том, что капиталистическая экономика рассматривается как единственно возможная, а закономерности капиталистического общества представляются как закономерности всех промышленно развитых стран. Пэвитт и Лабейри подчеркивают политическую направленность мальтузианских идей, которые как в прошлом, так и сейчас

¹⁶ J. Bourgeois-Pichat. En France, un mouvement de lent déclin. «Monde diplomatique», 1973, № 236, pp. 17, 18; Q. Calot. Op. cit.; A. Sauvy. La population française: situation et perspectives. «Revue de défense nationale». Paris, 1972, avr., pp. 555—556.

¹⁷ A. Sauvy. La population du monde et les ressources de la planète : un projet de recherches. «Population». Paris, 1972, № 6, pp. 967—977.

¹⁸ V. Labeyrie. Malthusianisme et écologie. «Pensée». Paris, 1973, № 167, pp. 3—21; K. Pavil. Malthus and Other Economists. Some Doomsdays Revisited. «Futures», Guildford, 1973, vol. 5, № 2, pp. 157—178. S. Weissman. Die Bevölkerungsbombe ist ein Rockefeller-Baby. «Kursbuch», Berlin, № 33, SS. 81—84.

¹⁹ J. Forrester. The World Dynamics. Cambridge, Mass., 1971.

тесно связаны с интересами привилегированных групп. Вместе с тем Пэвитт и Лабейри разделяют озабоченность всех исследователей загрязнением окружающей среды, не связывая, однако, это с ростом населения. В условиях капитализма, подчеркивают они, никакие научно разработанные мероприятия не в силах уничтожить противоречия данного общества с природной средой.

В своей статье С. Вайсман подчеркивает, что страх перед перенаселением насаждается буржуазными идеологами Соединенных Штатов отнюдь не в гуманных целях. Он признает необходимость проведения демографической политики, ориентированной на достижение равновесия между ресурсами и численностью населения, но эта политика должна осуществляться в условиях определенной экономической безопасности, участия масс в принятии политических решений, устранения классовых барьеров, эмансипации женщин и т. д.

Марксистское положение о том, что решение продовольственных, сырьевых, экологических и других современных проблем невозможно на пути стабилизации численности населения без решения коренных социально-экономических проблем, получает все более широкое распространение и понимание во всем мире.

**Б.С. Ерасов (кандидат философских наук, Институт философии АН СССР).
Демографические проблемы развивающихся стран.**

В драматических масштабах и последствиях «демографического взрыва» в странах «третьего мира» проявляется тесная связь процессов воспроизводства населения с системой производства вообще. Эта связь делает необходимым рассмотрение динамики роста народонаселения как важной составной части производительных сил. В работах К. Маркса детально показано значение человеческого фактора как в капиталистических, так и в докапиталистических формах производства. В этих последних именно в росте населения «резюмируется развитие производительных сил»²⁰, и только наличие внешних пределов ограничивает этот рост. Из работ Маркса мы видим также, каким образом в докапиталистических структурах производство в целом подчиняется законам удовлетворения непосредственных потребностей в их классово обусловленных формах.

Но страны «третьего мира» в настоящее время уже достаточно интенсивно вовлечены в контакт с развитыми формами производства, где господствуют накопленные индустриально-технические предпосылки труда, к которым привязан и «человеческий фактор». Это вызывает глубокие и направленные в разные стороны деформации в системе социальной жизнедеятельности. С одной стороны, как уже неоднократно подчеркивалось, одним из последствий включения «третьего мира» в глобальный процесс научно-технической революции явилось резкое повышение уровня выживаемости населения. Но, с другой стороны, это количественное возрастание «человеческого фактора» производства оказывается совершенно избыточным в условиях производства, построенного на преобладании капитального оборудования и новейшей технологии. В результате в силу того, что динамика этого производства диктует необходимость перехода к индустриальным формам труда, вовлечение в производство имеющихся людских ресурсов и даже получение

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 102.

средств к существованию для реального выживания громадных масс населения зависят теперь от модернизации народного хозяйства.

Мы видим, таким образом, что происходит глубокая деформация демографических процессов, вызванная деформацией производственных структур развивающихся стран в целом. В «отходы» этой деформации в настоящее время попадает уже от одной трети до половины взрослого населения указанных стран, и это количество имеет тенденцию к повышению. Не удивительно, что многие буржуазные авторы в качестве мер по «упорядочению» демографических процессов предлагают решительную и жесткую политику вплоть до сокращения медицинского обслуживания, введения стерилизации, прекращения продовольственной помощи и т. д.

Такого рода подход к «человеческому фактору» производства вполне естествен для капитализма, который в период своего становления во всех классических и неклассических случаях прибегал к массовому истреблению населения. Капиталистическая индустриализация неизменно сопровождалась войнами за господство, империалистическими захватами и колонизацией заморских территорий, миграцией, вытеснением и уничтожением местного населения. Но если в период генезиса капитализма в Европе проблема «очищения» земли и фабрик от излишних ртов не стояла еще столь остро ввиду низкой степени выживаемости населения и низкого органического строения капитала, требовавшего значительного количества живого труда, то в современных условиях она приобрела бы поистине гигантские масштабы.

Демографическая трагедия «третьего мира» предстает прежде всего как социальная проблема, выражающаяся в том, что как докапиталистические, так и капиталистические структуры не обеспечивают использования такой важной производительной силы, какой является сам по себе живой труд. Очевидно, что эти проблемы могут быть решены только на том пути развития, который позволит направить неисчерпаемые людские ресурсы на создание новой структуры производительных сил. Лишь некапиталистический путь развития, ориентированный на социализм, открывает возможности для осуществления в широких рамках кооперации живого труда, для использования способности трудовых масс к созданию различных форм трудовой ассоциации, что может сделать достаточно эффективными «трудовые инвестиции» населения в развитие материальных средств производства.

На этом пути развития решаются не только собственно производственные, но и социальные проблемы: обеспечивается широкая занятость населения, лишенного в данном обществе доступа к материальным средствам производства и располагающего только своей способностью к живому труду. Громадные массы населения, остающиеся в противном случае за бортом современной цивилизации, вовлекаются в новые формы производства и социальных отношений. На таком пути развития подвергнутся трансформации и собственно демографические закономерности, затрагивающие наиболее «субъективные» стороны деятельности индивида. Свои надежды и «гарантии бессмертия» человек станет усматривать не только в воспроизводстве следующего звена в цепи поколений (цель, прочно санкционированная традицией, господствующими нормами и религией), но и в коллективном труде на общее благо, в разностороннем развитии способностей как зрелого,

так и молодого поколений, в улучшении условий жизни и изменении ее образа, в создании материальных предпосылок для новой системы производства. Изменятся и качество «человеческого материала» и сам его способ существования; вступление в жизнь нового поколения перестанет быть простым повторением прошлого, в нем произойдет сдвиг в сторону обогащения содержания на основе новых целей и соединения с новыми средствами производства.

Это означает, конечно, глубокую перестройку всего способа существования громадных масс населения. Если в «классическом» состоянии эти массы поколение за поколением проходили по жизни, почти не меняя ее облика и находя компенсацию своих устремлений в религиозных идеалах «потустороннего» избавления и обретения, то отныне их устремления будут находить свое осуществление в преобразовании жизни данного и грядущих поколений, в том, чтобы отдать свой труд на общее благо, в котором будет заключена и их собственная судьба.

В.В. Пациорковский (Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности). Необходимость всестороннего изучения демографических явлений.

Многие из обсуждавшихся в ходе дискуссии вопросов так или иначе касались проблем, связанных с выработкой и проведением в жизнь принципов демографической политики. При этом уместно отметить, что многообразие точек зрения относительно путей и методов этой политики играет исключительно важную роль в познавательном отношении, но оно, видимо, должно иметь пределы. Легко увидеть, в каком положении могут оказаться законодательные органы при разработке основ демографической политики, если они будут исходить из одинаково обоснованных, но взаимоисключающих предложений. А ведь принятие решений на уровне общественной практики исключает столь быструю смену «точек зрения», как это возможно в познании. Поэтому нельзя не согласиться с мнением о необходимости создания единой концептуальной схемы в области демографических исследований. Трудно также не согласиться с утверждением, что в условиях нашей огромной и многонациональной страны необходим дифференцированный подход к проблемам регулирования демографических процессов вообще и процессов воспроизводства населения в частности.

Следует подчеркнуть, что именно «благодаря» многообразию типов семей, имеющих в нашем обществе, одно и то же мероприятие может иметь различные и даже противоположные последствия. Так, например, повышение материального благосостояния населения вряд ли приведет к сколько-нибудь заметному росту количества многодетных семей. Для семей же, имеющих одного ребенка, улучшение материального благосостояния может оказаться важным стимулом повышения рождаемости.

Здесь необходимо обратить внимание на специфику содержания понятия «благосостояние», которое в современных условиях предполагает не только и не столько определенный уровень доходов на каждого члена семьи, но и доступность сферы услуг, возможность распоряжаться свободным временем в соответствии со своими интересами и потребностями и т. п.

Я остановлюсь на трех вопросах, которые, по моему мнению, связаны с дальнейшим развитием демографических исследований в нашей стране. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что развитие демографии как теоретической и прикладной дисциплины тесно связано с развитием других социальных наук, одной из которых является криминология.

Научно-техническая революция, все углубляющееся разделение труда, дифференциация типов деятельности (особенно в сфере услуг) ведут к тому, что существование каждого члена общества начинает все в большей мере зависеть от существования всех других членов общества. Но, с другой стороны, диалектика общественного развития такова, что наличие огромной массы товаров, высокоразвитой сети средств массовой коммуникации и т. п. допускает весьма высокую степень автономии в избрании различными членами общества того или иного образа жизни и типа поведения. Существующая система социального контроля во многом не приспособлена к такому положению вещей, более того, и сами люди очень часто оказываются не подготовленными к жизни в таких условиях. Наглядным примером здесь может служить та легкость, с которой многие современные люди становятся мигрантами. Миграция является одной из важных составляющих криминологической ситуации. Ведь криминологи видят в миграционном процессе отнюдь не только людей, стремящихся найти свое место в жизни, осуществить свои надежды и ожидания. Они знают, что в этом потоке иногда движутся и другие элементы (тунеядцы, мошенники). Поэтому значение закономерностей миграционных процессов, этого исконно демографического объекта исследования, могло бы во многом содействовать изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Этот пример показывает, какое огромное значение для решения многих жизненно важных проблем имеют демографические и социологические исследования. У криминологов есть и другие проблемы, решение которых тесно связано с дальнейшим развитием этих исследований.

В первую очередь здесь следует указать на необходимость изучения процессов социализации личности.

Второй вопрос может показаться довольно частным, специальным, однако он заслуживает обсуждения на данном заседании, собравшем представителей разных общественных наук. Я имею в виду проблему развития методики и техники демографических, социологических, криминологических и других социальных исследований, и прежде всего проблему сравнимости и сопоставимости данных, получаемых в результате этих исследований. Различие исходного понятийного аппарата, а также процедур измерения может оказаться существенным тормозом при разработке проектов и программ комплексных социальных исследований.

Используемые сегодня в демографии, криминологии, социологии показатели, даже, казалось бы, такие простые, как, например, возраст, имеют в своей основе разные группировки, а это значит, что получаемые таким путем коэффициенты и индексы вряд ли могут быть сравнимы. Эти вопросы до сих пор еще не стали предметом широкого обсуждения, а между тем представители различных общественных наук при исследовании самых разнообразных явлений постоянно ссылаются на данные своих коллег, причем

корректность такого рода ссылок, как правило, не обсуждается. Все это говорит о необходимости унификации методик различных социальных исследований и разработки правил перехода от данных, полученных на основании одних методик, к аналогичным данным, но полученным на основе других методик.

И, наконец, последний по порядку, но не последний по важности момент, на который мне бы хотелось обратить внимание. Поскольку при обсуждении проблемы «демография и общество» речь идет о глобальных процессах (урбанизации, миграции и воспроизводстве населения и др.), то важнейшее значение приобретает разработка методологических вопросов, обеспечивающая марксистский подход к оценке содержания, особенностей возникновения и протекания этих процессов в условиях противоположных социально-экономических систем.

Надо сказать, что в буржуазном обществоведении уже давно обсуждается вопрос о влиянии на преступность различных социальных, в том числе и демографических, процессов. Так, например, Ф. Знанецкий, Т. Селлин и другие пытались объяснить фиксируемую ими в буржуазном обществе повышенную преступность среди мигрантов посредством выдвижения на первый план такого фактора, как контраст между городским и сельским образом жизни. При такой постановке вопроса оказывается, что одно явление объясняется другим, которое отнюдь не представляется более понятным. Основной порок подобной позиции состоит в том, что она не учитывает главного — обусловленности рассматриваемых социальных явлений природой буржуазного общественного строя.

Буржуазные исследователи, отмечая отрицательное влияние на поведение людей последствий происходящих в современном буржуазном обществе демографических и иных социальных процессов, даже и не пытаются увидеть различия в условиях протекания, в сущности и конечных результатах этих и других процессов, кажущихся общими для капиталистического и социалистического обществ. Для марксистской же социальной науки исходной методологической установкой является тезис об обусловленности всех этих процессов характером социального устройства общества, в котором они протекают. Выявление конкретных механизмов такой детерминации — одна из основных задач научного исследования демографических явлений.

Г.И. Герасимов (корреспондент агентства печати «Новости» и «Литературной газеты» в США). Скудеющая колыбель Америки, или некоторые черты демографической ситуации в США.

Вот уже много лет уровень рождаемости в США неуклонно падает, чему, кстати, многие у нас отказываются верить и приводят в качестве примеров обширные семейства Кеннеди или Рокфеллеров. В действительности же аист все реже прилетает в американские семьи — тот самый аист из сказки, который приносит детей. Не так давно толстый журнал «Эскуайер» посвятил номер теме «Не возненавидели ли американцы своих детей?». Там сообщалось, что 55,3 процента всех мужчин в США моложе 35 лет не женаты, 44,6 процента всех женщин моложе 35 лет не замужем.

Прирост населения, составлявший в 1970 году низкую цифру — 1,1 процента, через два года понизился до 0,7 процента. Согласно только что опубликованным официальным данным, в США детей четырехлетнего возраста на полмиллиона меньше, чем детей

пятилетнего возраста, детей трехлетнего возраста на полмиллиона меньше, чем детей четырех лет, и т. д.

Причины демографического поведения населения всегда разнообразны, но в американских условиях особенно влиятельными мне представляются две.

Первая — явный настрой общественного мнения против следующего поколения. Опасения относительно снижения «качества жизни» по причине роста количества жизней создали «антидетскую» атмосферу, которой способствовал общий дух капиталистического индивидуализма.

Существует несколько организаций вроде «Нулевой прирост» или «Национальная организация неродителей» во главе с энергичной Эллен Пек, написавшей книгу «Ребенок — это ловушка». Они добиваются успеха в нынешний период, когда в США наблюдается падение нравов, ослабление семьи и широкое распространение новых эффективных и удобных противозачаточных средств.

Можно спорить о подлинных мотивах неомальтузианской волны в США и о том, в какой мере она служит громоотводом для недовольства масс общим положением в стране, а в какой захватила добросовестно заблуждающихся. Но вряд ли возможно отрицать влияние общественных настроений на темпы воспроизводства населения.

Вторая причина — утилитарно экономическая. Демографы всегда предупреждали, что материальные соображения — лишь один из возможных мотивов, которыми руководствуются потенциальные родители, что прямая зависимость между благосостоянием и числом детей в семье отсутствует, а, как правило, налицо обратная зависимость. Однако в специфических условиях США с их культом денег и ввиду нынешних экономических трудностей удельный вес расчетливости особенно велик. Это обстоятельство подчеркнул орган деловых кругов США — газета «Уоллстрит джорнел», которая в статье «Почему в Америке падает рождаемость?» написала: «Среди многочисленных взаимозависимых факторов, определяющих падение кривой рождаемости, экономические соображения представляются решающими... Мы можем ожидать резких перемен в уровне рождаемости в будущем в соответствии с переменами в перспективах процветания».

Сейчас дети — дорогое удовольствие. Первую брешь в семейном бюджете младенец пробивает уже в день рождения: 800 долларов врачу, 200 — акушерке, 500 — за пять дней пребывания в родильном доме. Всего ребенок к концу первого года жизни стоит 5400 долларов. Ребенок пяти лет без серьезных заболеваний обходится родителям в 31 тысячу долларов. Мальчик в 17 лет стоит родителям 141 тысячу долларов, а девочка — 144 тысячи. Таковы подсчеты журнала «Эскуайер», сделанные, как оговаривается редакция, без учета роста цен, который неизбежен.

Падение рождаемости ведет к переменам в очертаниях демографической пирамиды, к изменениям в соотношении возрастов и к соответствующим серьезным последствиям в народном хозяйстве. Уже сейчас закрыты некоторые школы, потеряли работу учителя, школьное строительство свертывается. В конечном итоге падение рождаемости ведет к

«постарению общества», к изменению возрастной структуры населения в пользу старших возрастов.

В заключение— об идее «вторичной многодетности», высказанной мною в качестве предположения в брошюре «Станет ли тесно на земном шаре?». Когда у людей появляется выбор: или ребенок, или карьера, или экономическое благополучие, или культурное развитие и прочее,— выбор время от времени бывает против ребенка, и статистика констатирует падение рождаемости, а демограф — обратную зависимость уровня рождаемости от уровня культурного и экономического развития. Но допустим, что общество достаточно богато и перед родителями открывается возможность сочетания: и ребенок, и карьера, и благополучие, и культурный рост, и т. д., поскольку общество в состоянии обеспечить все эти возможности. В этих условиях скорее всего следует ожидать роста рождаемости.

В некоторой мере послевоенный «бэби-бум» в США можно рассматривать, на мой взгляд, как первую ласточку «вторичной многодетности», хотя, конечно, здесь сыграл свою роль и обычный послевоенный компенсационный процесс. Все же в 50-е годы в США иметь много детей в семье было «модно», и рождаемость поддерживалась на необычно высоком для развитой страны уровне.

Анализ причин, приведших к переменам в общественном настроении, еще ждет своего исследователя, но мне представляется несомненным, что эти перемены — один из тех факторов, совокупность которых привела через несколько десятков лет к падению рождаемости в США до уровня простого воспроизводства. И отношение к этой тенденции основной массы населения и властей продолжает оставаться самым доброжелательным.

И.Т. Фролов. Комплексность демографической проблемы, ее социальные и этические аспекты.

По-видимому, наш журнал еще не раз будет возвращаться к обсуждению социально-философских проблем демографии, потому что мы считаем эти проблемы очень важными для нашего общества. Завершая нашу работу, нужно отметить, что чего-то принципиально нового мы здесь не открыли и открыть не могли, но мы обменялись мнениями по важным и острым вопросам. Самое главное, что здесь достигнуто,— это постановка проблемы, которая, мы надеемся, будет стимулировать дальнейшие исследования.

Видимо, у большинства участников нашего заседания осталась некоторая неудовлетворенность, и она вполне естественна. Вероятно, эта неудовлетворенность объясняется недостаточной разработанностью демографических проблем.

Характерно, что в ходе обсуждения даже по наиболее кардинальным вопросам демографической науки подчас высказывались различные и даже взаимоисключающие точки зрения. С некоторыми из них трудно согласиться. Представляется научно несостоятельной, например, содержащаяся в выступлении В.А. Болдырева попытка обосновать необходимость стабилизации численности населения в СССР ссылками на сделанный XXIV съездом КПСС упор на интенсивные методы ведения нашего народного хозяйства. Далее, известно, что проведенные в последние годы социологические исследования установили рост в отдельных регионах страны количества людей, не

вступающих в брак, а также количества добрых половых связей. Причины этих явлений должны, на наш взгляд, тщательно изучаться. Однако вряд ли есть научные основания для того, чтобы из подобного рода фактов делать выводы о происшедших у нас быстрых и крутых переменах в области половой морали, о том, что добрая и внебрачная половая жизнь стала нормой у нас, как об этом говорил в своем выступлении В.И. Переведенцев.

Я думаю, что очень важны сейчас для демографов те задачи, которые были поставлены в ряде выступлений. Очень важно определить место демографии в системе наук, более четко наладить связи и взаимодействие с представителями других наук. Я целиком и полностью хотел бы поддержать мысль о том, что при еще более широком развороте исследований крупных экономических аспектов проблемы народонаселения необходимо уделять значительно больше внимания фундаментальным исследованиям социальных, социально-психологических, личностных факторов и т. д, то есть всего того комплекса проблем, разработка которых невозможна без участия наших социологов, социопсихологов, отчасти этнографов. Решение многих проблем, в том числе проблем демографической политики, зависит от того, насколько глубоко исследуются все эти аспекты. И здесь для ученых — непечатый край работы.

Демографические исследования, безусловно, должны развиваться в контакте с работой профессиональных социологов. Но у нас мало, к сожалению, социологов, которые занимались бы специально демографическими проблемами как проблемами научными, имея в виду не популяризацию, а получение каких-то новых результатов и выводов. Мне кажется, сейчас самое важное для развития наших демографических исследований — приток свежих идей, новых подходов, опирающихся на нашу марксистско-ленинскую теорию и методологию. Надо, чтобы каждый выдвигающий идею брал на себя ответственность, рисковал в известной мере, чтобы эти идеи сталкивались между собой в ходе научной дискуссии, в результате чего вырабатывались бы новые подходы, совершенствовался понятийный аппарат демографии.

Целесообразно, по моему мнению, напомнить и о том, что без данных генетики, особенно генетики человека и популяционной генетики, демографы обойтись не могут.

Я считаю, что обсуждение этих проблем необходимо. Оно необходимо и полезно потому, что область биологической и генетической детерминации демографических процессов продолжает оставаться для нас загадкой. Пока никто не может сказать точно, как генетически детерминируются все эти процессы. Здесь очень и очень много спорного, нерешенного, и одну из наших задач мы видим, в частности, в том, чтобы стимулировать размышления над этими проблемами, которые, может быть, помогут получить новые интересные для нашей работы данные.

Это одна сторона дела. Теперь о другом. Проведение разумной, научной демографической политики в отношении человечества в целом предполагает установление разумного, то есть коммунистического, общественного строя в глобальном масштабе. Поскольку этого пока нет, наши демографические установки должны быть дифференцированными. Проблемы народонаселения находят свое специфическое выражение в рамках каждого региона, в рамках каждой страны. Поэтому ученые, исследующие закономерности демографических процессов, не могут не считаться с тем,

что человечество расколото на социалистический и капиталистический миры, в которых действуют специфические закономерности народонаселения. Свои закономерности присущи и странам «третьего мира». Мы не можем не учитывать существенных изменений и самих демографических установок, которые зависят от социального и экономического развития общества.

Во многих рассуждениях современных демографов и в некоторых выступлениях здесь, за Круглым столом, когда мы обращались к экономической сфере, вопрос ставился так: рождаются люди, а есть ли у них достаточное количество питания, одежды, чтобы просто выжить? Это элементарная демографическая установка. Мы не можем от нее абстрагироваться, но и не можем только из нее исходить. У нас есть другие установки, связанные с принципами, которые утверждает теория научного коммунизма. Согласно этим принципам, высшей целью общества является всестороннее и свободное развитие человека. Именно такова объективная направленность исторического развития. Следовательно, в перспективе удовлетворение элементарных материальных потребностей перестанет быть основным критерием для демографических установок. Есть высшая демографическая установка, о которой мы должны думать. Демографическое регулирование в конечном счете нужно не только лишь для того, чтобы люди не умирали от голода. Мы исходим из того, что человек есть нечто большее, чем только «потребляющее существо», и мы обязательно должны учитывать это в своих размышлениях.

Еще одно обстоятельство, которое я хотел бы отметить. Нам, видимо, следует в области демографии четко осознавать, что необходимо не только вести научные исследования, но и влиять на мораль, воспитывать новое демографическое самосознание. Мы не должны недооценивать роли сознания, идеологических факторов, моральных установок, и наша работа в этой области чрезвычайно важна и ответственна. Вот почему широкая пропаганда научного понимания демографической политики, которой многие из вас занимаются, — это очень нужное дело. Исходя из этого, мы будем предоставлять страницы нашего журнала для выступлений по всем этим проблемам.

Демографическая пропаганда должна быть тесно связана с распространением определенной культуры, в том числе и в интимной сфере, в отношениях между полами. Мне кажется, что время малокультурного, я бы сказал, реагирования на все эти вещи осталось в прошлом. Не случайно эти вопросы очень широко ставят прежде всего врачи, педагоги, так как результаты социологических исследований показывают, что во многих случаях распад семей происходит, в частности, и по причинам неудовлетворительного полового воспитания. И факты говорят о том, что во многих случаях подобные явления могут быть преодолены, если относиться к ним разумно и не видеть здесь только нечто «запретное», а понимать проблему, которую мы должны решить.

И, наконец, последнее. Здесь уже говорилось, что мы должны думать и о том, чтобы в наших демографических построениях человек не был сведен просто к «деторождающему существу», чтобы не исчезла личность. Демография - это наука, но такая наука, которая должна существенно выходить за рамки простой физики и математики тех отношений, тех связей, которые существуют между людьми. Поэтому перед демографами, как и перед нами, философами, стоят очень сложные задачи, гораздо более сложные, чем просто

создать новую науку, обладающую всем инструментарием, всеми методами, которыми может быть вооружена современная наука. Демография должна включить в себя и другие аспекты, другие подходы, учитывающие, что речь идет о человеке, о сложном существе, для которого деторождение — это не просто биологическая потребность. Оно тесно связано с человеческой любовью, с очень сложными инстинктами, с глубокими духовными переживаниями, без которых невозможно представить себе современного культурного, развитого человека и без чего многие люди не могут представить себе жизни, принять ее как некоторую ценность. Ведь, порождая новую жизнь, каждый культурный, развитый человек берет на себя определенную ответственность и думает о том, в какой мир он вводит это новое, родное ему существо.

Такой комплекс необычных для «строгой» науки проблем должен быть обязательно учтен, и я думаю, что здесь, может быть, в наибольшей степени необходим контакт специалистов-демографов с философами. Хотелось бы надеяться, что тот энтузиазм и та энергия, с которыми относятся к своей работе наши демографы, повлияют положительно и на философов, будут стимулировать более интенсивную разработку проблематики народонаселения в ее социально-философских и этических аспектах.

Я думаю, что публикация материалов Круглого стола сыграет положительную роль и в этом плане, и именно поэтому я хотел бы от всей души поблагодарить всех, кто пришел на это заседание Круглого стола и высказал свое мнение по таким сложным, важным и во многом спорным, дискуссионным проблемам, какими, несомненно, являются демографические проблемы.

Редакция предполагает сделать более широкое обобщение материалов Круглого стола и, может быть, в одном из ближайших номеров нашего журнала выступить с редакционной статьей о социально-философских проблемах демографии.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF DEMOGRAPHY

Round table of the journal "Problems of Philosophy" (1974)²¹

A reprint of the transcript from the journal "Problems of Philosophy" of the Round table discussion devoted to social and philosophical problems of demography which took place on May 7-8, 1974. 1974 having been declared World Population Year by the General Assembly of the UN, a World Population Conference was held in Bucharest in August 1974. On the whole, the 1970s were an important step, in some cases even a turning point, in the evolution of the world's main demographic processes as well as in the development of world demographic thought. The Round table discussion give an idea of the level of understanding of the demographic reality, the main demographic trends and their driving forces by the Soviet science of that time. It allows us to judge as to the correlation between objective research and 'an ideological' component in the views of the Round table participants. The interdisciplinary discussion was attended by demographers, philosophers, sociologists, economists, anthropologists, biologists and lawyers.

Keywords: *demography, demographic problems in the USSR, the philosophical problems of demography, demography and ecology, demography and ethnology, demography and genetics, demography and law, historical types of human reproduction.*

²¹ «Voprosy filisofii» («Problems of Philosophy»), 1974. № 9: 84-97; №11: 82-96; 1975, №1: 57-78.